ISSN : 2311-2859

7universum.com

UNIVERSUM:
ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

11(149)

ергеевич Лихачёв (1906–1999) — ся советский и российский филолог, ог, искусствовед и общественный . Его жизнь и труды стали символом преданности гуманитарному знанию и защите культурного наследия.

Дмитрий Сергеевич родился в Санкт-Петербурге 28 ноября 1906 года. Его отец был инженером-электриком, а семья придерживалась старообрядческих традиций. После окончания гимназии Лихачёв учился на факультете общественных наук Ленинградского университета, где одновременно осваивал романо-германскую и славяно-русскую секции. В студенческие годы он участвовал в кружке «Космическая академия наук», за что в 1928 году был арестован и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Этот опыт он позже назвал своим «вторым и главным университетом». В лагере Лихачёв работал в криминологическом кабинете и помогал несовершеннолетним правонарушителям. Он был освобождён досрочно в 1932 году с удостоверением ударника строительства Беломорско-Балтийского канала.

После освобождения Лихачёв вернулся в Ленинград, где сначала работал литературным редактором в издательстве Академии наук. В 1938 году, после снятия судимости, он поступил на работу в Институт русской литературы (Пушкинский Дом). В 1941 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1947 году — докторскую. В блокадном Ленинграде он создал работу «Оборона древнерусских городов».

Главной темой Лихачёва стала древнерусская литература. Он внёс фундаментальный вклад в её изучение, создав ряд классических работ:

«Человек в литературе Древней Руси» (1958) — исследование эволюции изображения личности в древнерусских текстах.

«Текстология» (1962) — работа, показавшая, как история рукописей помогает понять авторский замысел.

«Поэтика древнерусской литературы» (1967) — анализ художественных приёмов и введение понятия хронотопа.

«Слово о полку Игореве» (1950) — перевод и комментарии к памятнику, подлинность которого Лихачёв последовательно отстаивал.

«Повесть временных лет» (1950) — подготовленное им издание в «Литературные памятники».

120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
28 ноября 2026 г.

ЛИХАЧЁВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ 1906-1999 гг.

РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕД, ФИЛОЛОГ-МЕДИЕВИСТ, КУЛЬТУРОЛОГ, ИСКУССТВОВЕД

7universum.com
UNIVERSUM:
ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Выпуск: 11(149)

Ноябрь 2026 г.

Новосибирск
2026

ББК 71+80/85
U55

Главный редактор журнала:
Лебедева Надежда Анатольевна – д-р философии в области культурологии.

Редакционная коллегия:
Акчурина-Муфтиева Нурия Мунировна – д-р искусствоведения, проф.;
Аль-Мугаммай Аззам Ахмад Джума – канд. филол. наук, доц.;
Варакина Галина Владиславовна – д-р культурологии, доц.;
Гринев-Гриневич Сергей Викторович – д-р филол. наук, проф.;
Искандарова Гульнара Рифовна – д-р филол. наук, доц.;
Каминская Елена Альбертовна – д-р культурологии, канд. пед. наук, проф.;
Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, проф.;
Кульпина Валентина Григорьевна – д-р филол. наук, доц.;
Личак Наталия Алексеевна – д-р культурологии, доц.;
Мерешкова Хэди Рашидовна – канд. филол. наук, доц.;
Павенков Олег Владимирович – канд. филос. наук, доц.;
Прокофьева Лариса Петровна – д-р филол. наук, доц.;
Радь Эльза Анисовна – д-р филол. наук, доц.;
Романчук Любовь Анатольевна – канд. филол. наук;
Сидорова Наталья Анатольевна – д-р филол. наук, проф.;
Тищенко Наталья Викторовна – д-р культурологии, доц.;
Тупикова Светлана Евгеньевна – канд. филол. наук, доц.;
Улитова Анастасия Сергеевна – канд. филол. наук;
Файзуллина Найля Ивановна – д-р филол. наук, доц.;
Хуако Фатимет Нальбиевна – д-р филол. наук, проф.;
Шамина Людмила Алексеевна – д-р филол. наук;
Шаронова Елена Александровна – д-р филол. наук, проф.;
Щукина Вероника Александровна – канд. филол. наук.

U55 Universum: филология и искусствоведение : электронный научный журнал. — № 11(149). — Новосибирск : Изд-во «Юниверсум», 2026. — 104 с. — Текст : электронный. — URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/category/11149 (дата публикации: 21.11.2026).

ISSN 2311-2859
DOI: 10.32743/UniPhil.2026.149.11
Учредитель и издатель: ООО «Юниверсум»
© ООО «Юниверсум», 2026 г.

Содержание

Статьи на русском языке

Языкознание

Теория языка и общее языкознание

Развитие профессиональной культуры речи у будущих учителей: рефлексивная и практически ориентированная методологическая основа 5
Саламова Нармина Ага Мелик

Русский язык

Авторское переосмысление устойчивых выражений в «Житии протопопа Аввакума» 11
Цой Марина Климентьевна

Языки народов зарубежных стран

Инновационные методы преподавания английского языка: повышение коммуникативной компетентности студентов 18
Баширова Камила Рауф кызы

Стилистические функции антропонимов в азербайджанской прозе периода государственности 26
Годжаева Нармин Ширзад

Интеграция искусственного интеллекта и цифровых технологий в преподавание английского языка: возможности, проблемы и педагогические последствия 35
Рахила Аббасбейли Ханлар

Литература и смежные дисциплины

Русская литература

Основные мотивы лирики Ф. И. Тютчева: природа, родина и любовь 40
Ужахова Роза Керимовна

Эпистолярное наследие А.А. Ахматовой как зеркало эволюции её художественных взглядов: от «аграфии» к «затексту» 50
Эркина Арина Алексеевна

Искусствоведение

Кино, телевидение и экранные искусства

Развлекательное телевидение России 1990-х годов: жанровая трансформация и формирование новой телевизионной культуры 58
Алексеев Кирилл Александрович

Articles in English

Linguistics

Theory of Language and General Linguistics

Coding of cultural components in English, Russian and Mongolian languages (using phraseological units with the component «throat» as an example) 77
Batsuren Renchin
Tuul Selenge

Art Studies

Cultural Studies and Theory of Art

Documentary as a part of the cultural and historical code 85
Ruzin Valeriy

Fine, Decorative and Applied Arts and Design

From chaos to form: integrating traditional and digital art in a structured practice of translating inner experience 92
Mariien Kateryna

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Статья поступила в редакцию: 01.11.2026
Статья принята к публикации: 05.11.2026
Статья опубликована: 21.11.2026

УДК 372.881.1

Развитие профессиональной культуры речи у будущих учителей: рефлексивная и практически ориентированная методологическая основа

Саламова Нармина Ага Мелик
преподаватель
Бакинская музыкальная академия имени Узеира Гаджибейли
Азербайджанская Республика, г. Баку
ORCID:https://orcid.org/0009-0005-6864-7809
E-mail: salamovanarmina6@gmail.com

Developing professional speech culture in future teachers: a reflective and practice-oriented methodological framework

Salamova Narmina Aga Melik
teacher
Baku Music Academy named after Uzeyir Hajibeyli
Republic of Azerbaijan, Baku

Аннотация

Развитие профессиональной речевой культуры является важной задачей педагогического образования: будущие учителя должны уметь объяснять содержание предмета, задавать целенаправленные вопросы и отвечать на вопросы учащихся. Теоретические знания о языковых нормах необходимо дополнять практикой применения, анализом результатов и корректировкой речевого поведения. На основе концептуального анализа работ по рефлексивной практике, микрообучению, диалогическому обучению и профессиональной коммуникации предлагается пятиэтапная структура: диагностическая самооценка, явное обучение, имитация педагогической коммуникации, структурированная рефлексия и многократная практика с обратной связью. Определены практические виды

Библиографическое описание: Саламова Н.А.М. Развитие профессиональной культуры речи у будущих учителей: рефлексивная и практически ориентированная методологическая основа // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23670

деятельности (переработка объяснений, последовательность вопросов, ролевые игры, микрообучение, анализ языка обратной связи) и критерии формирующего оценивания. Новые эмпирические данные не собирались. Особое внимание уделяется различию между языковой точностью и способностью адаптировать речь к педагогическим целям. Структура не проверялась экспериментально; её вклад носит методологический характер: она систематизирует устоявшиеся подходы и задаёт принципы для будущих эмпирических оценок. Она может поддержать программы подготовки учителей, связывающие языковые знания с рефлексивной практикой, и может быть адаптирована преподавателями педагогических вузов к своим условиям.

Abstract

Developing professional speech culture is an important task of teacher education: future teachers must be able to explain subject content, ask purposeful questions and respond to learners' questions. Theoretical knowledge of language norms needs to be complemented by practice in applying it, analysis of outcomes and adjustment of speech behavior. Based on a conceptual analysis of work on reflective practice, microteaching, dialogic teaching and professional communication, the article proposes a five-stage framework: diagnostic self-assessment, explicit instruction, simulated pedagogical communication, structured reflection, and repeated practice with feedback. It defines practical activities (rewriting explanations, question sequencing, role play, microteaching, analysis of feedback language) and criteria for formative assessment. No new empirical data were collected. Particular attention is paid to the distinction between linguistic accuracy and the ability to adapt speech to pedagogical goals. The framework has not been tested experimentally; its contribution is methodological: it systematizes established approaches and sets principles for future empirical evaluation. It can support teacher education programs that link language knowledge with reflective practice, and can be adapted by teacher educators to their own contexts.

Ключевые слова: педагогическое образование, профессиональная культура речи, микропреподавание, рефлексивная практика, педагогическая коммуникация, коммуникативная компетентность, речевая педагогика.

Keywords: teacher education, professional speech culture, microteaching, reflective practice, pedagogical communication, communicative competence, speech pedagogy.

1. Введение

Учителя должны чётко излагать сложную информацию, формулировать вопросы, стимулирующие мышление, и конструктивно реагировать на замечания учащихся, поэтому культура речи представляет собой практический компонент профессиональной компетентности. Будущие учителя могут знать лингвистические правила, но испытывать трудности с их применением на уроке, и потому одних лекций о правильном использовании языка недостаточно: нужны структурированная практика педагогической коммуникации и анализ её эффективности.

Д.А. Шён [9] подчёркивает важность обучения через профессиональную деятельность и последующую рефлексию. Д.У. Аллен и К.А. Райан [2] описывают микрообучение как практику в управляемых эпизодах, что удобно для работы над конкретной коммуникативной задачей; обзоры последних лет рассматривают его как средство развития профессиональных умений [5, 6]. Исследования диалогического обучения показывают, что общение в классе больше чем передача информации [1, 4], и изучаются как предмет подготовки учителей [8] и в разных образовательных системах [10]. Тем не менее нужна чётко сформулированная структура, связывающая языковое обучение, практику, обратную связь и рефлексию. Цель статьи состоит в том, чтобы предложить такую практико-ориентированную методологическую основу для развития профессиональной культуры речи у будущих учителей и критерии оценки как ориентир, а не как валидированный инструмент.

2. Методология

Статья основана на концептуальном и методологическом анализе литературы по рефлексивной практике [9], микропреподаванию [2], диалогическому обучению [1, 4] и недавним исследованиям микрообучения, рефлексии и диалога [3, 5–8, 10]. Принципы обучения выделены из этих работ и организованы в последовательность этапов. Формулировка целей практики на диагностическом этапе (конкретность, достижимость, наблюдаемость результата) соотносится с критериями SMART, известными из менеджмента [11]; в статье они используются как ориентир при постановке задач, а не как жёсткая схема. Концепция не проверялась на практике, в статье нет утверждений об измеренных результатах; практические задания носят характер рекомендаций, которые программы подготовки учителей могут адаптировать и оценить сами.

3. Профессиональная культура речи как обучаемая компетенция

Профессиональная культура речи включает знание языковых норм и умение уместно использовать язык в профессиональных ситуациях. Будущий учитель может находить грамматические ошибки в тексте, но затрудняться с кратким устным объяснением при неожиданном вопросе, то есть знание и умение действовать не совпадают. Полезны четыре области развития: языковые ресурсы; организация дискурса (структура объяснения, переходы, обобщение); коммуникативная компетентность (слушание, уточняющие вопросы, очерёдность реплик); профессиональная этика общения (уважительная обратная связь, тон, чуткость к различиям). Области частично совпадают, поэтому в каждом задании нужно указывать, какую компетенцию оно развивает.

4. Пятиэтапная модель

Модель предлагается для проектирования программ подготовки учителей, а не как проверенное вмешательство.

4.1. Диагностическая самооценка

Участник готовит краткое объяснение знакомой концепции или отвечает на смоделированный вопрос обучающегося и оценивает язык, структуру, темп, поведение при вопросах и слушании, тон обратной связи. Самооценка конкретна, а не оценочна: вместо «Моя речь плохая» следует писать «в объяснении было несколько неопределённых терминов». Цель состоит в определении достижимой задачи для практики, а не в получении итогового балла.

4.2. Явное обучение и анализ речи

Участники сравнивают альтернативные объяснения (длинные предложения и необъяснённые термины против определения, примера и обобщения), выявляют неоднозначные формулировки, различают закрытые и уточняющие вопросы и учатся объяснять, почему формулировка подходит для ситуации.

4.3. Имитация педагогической коммуникации

В ролевых играх моделируются ученик с неправильным пониманием, спор с объяснением или корректирующая обратная связь. Задания, например ответить на неверный ответ, не сразу давая верный, выявляют трудности, не заметные в письменных работах, и позволяют обсудить этику обратной связи.

4.4. Микропреподавание и структурированная рефлексия

Участник проводит короткий эпизод (объяснение, серия вопросов) и получает целенаправленную обратную связь [2]; запись видео служит средством самоанализа, а не показателем качества. Рефлексия по Д.А. Шёну [9] включает причины решений и альтернативы; важна роль обратной связи преподавателей [3], изучается и рефлексивность будущих учителей английского языка [7]. Вопросы для анализа: какова была коммуникативная цель, что помогло или помешало её достижению, как повлияла реакция обучающегося, что изменить в следующий раз.

4.5. Повторение и многократная практика

Участники применяют отзывы к пересмотренному заданию: разбивают сложные объяснения на шаги, вводят паузы между вопросами, делают обратную связь конкретной. Повторение нужно, потому что одной рефлексии недостаточно для спонтанного взаимодействия; прогресс фиксируется в заметках, сценариях и отзывах коллег. Цель состоит не в едином идеальном стиле, а в более обоснованных речевых решениях.

5. Практические занятия

- **Переработка пояснений:** сокращение повторов и избыточной терминологии при сохранении смысла.
- **Последовательность вопросов:** различение вопросов на запоминание, уточнение, объяснение и оценку.
- **Переформулировка обратной связи:** вместо «Вы не поняли тему» следует говорить «связь между двумя этапами нуждается в уточнении».

• **Взаимное наблюдение:** в парах по критериям: один пример удачной коммуникации и одна возможность улучшения.

• **Портфолио:** сценарии, исправленные пояснения, самооценки и размышления без автоматической оценки.

6. Принципы и показатели оценки

Показатели формирующего оценивания приведены в табл. 1; это не стандартизированная шкала, и их следует адаптировать к уровню, предмету и языку обучения. Приоритет отдаётся наблюдаемому поведению, а не впечатлениям о харизме: тихая манера или региональный акцент не считаются дефицитом.

Таблица 1. Показатели формирующего оценивания речи будущего учителя

Измерение	Возможные индикаторы
Лингвистическая точность	Лексика, грамматика, произношение
Ясность	Определения терминов, понятные объяснения, примеры
Согласованность	Логика, переходы, резюме
Взаимодействие	Дополнительные вопросы, слушание, реакция на реплики обучающихся
Этика	Уважительное исправление ошибок, корректный язык
Адаптируемость	Стиль, темп и детализация, соответствующие задаче и аудитории

7. Обсуждение

Центральная идея: профессиональная культура речи развивается в цикле, связывающем знания с практикой. Отсюда следует, что нужны конкретные цели, рефлексия должна вести к последующим действиям, обратная связь должна называть наблюдаемые особенности и осуществимый шаг, а требования к точной речи не должны навязывать узкую модель профессионального говорения. Ограничением методики является отсутствие интервенционного исследования. В будущих работах стоит проверить целесообразность пятиэтапной последовательности, согласованность оценок экспертов и адаптацию модели для многоязычного педагогического образования.

8. Заключение

Развитие профессиональной культуры речи должно быть частью подготовки учителей, а не чисто теоретическим предметом о нормах языка. Предложенная пятиэтапная модель, практические задания и критерии формирующего оценивания связывают лингвистическую точность с ясностью, связностью, отзывчивостью и этической ответственностью. Измеримая эффективность не утверждается: модель организует устоявшиеся принципы в целостный подход, который можно адаптировать и эмпирически оценить.

Список литературы

1. Alexander R.J. Towards Dialogic Teaching: Rethinking Classroom Talk. – 4th ed. – Dialogos. – 2008. – 60 P.

2. Allen D.W., Ryan K.A. Microteaching. – Reading, MA: Addison-Wesley. – 1969. – 151 P.
3. Asregid D., Mihiretie D.M., Kassa S.A. Teacher educators' use of feedback to facilitate reflective practice among pre-service teachers during microteaching // Cogent Education. – 2023. – T. 10, № 2. – P. 1–13. – DOI: 10.1080/2331186X.2023.2257121.
4. Boyd M.P., Markarian W.C. Dialogic teaching: Talk in service of a dialogic stance // Language and Education. – 2011. – T. 25, № 6. – P. 515–534. – DOI: 10.1080/09500782.2011.597861.
5. Iliasova L., Nekrasova I., Mena J., Estrada-Molina O. Microteaching on pre-service teachers' education: literature review // Frontiers in Education. – 2025. – T. 10. – Art. 1562975. – DOI: 10.3389/feduc.2025.1562975.
6. Mukuka A., Alex J.K. Review of research on microteaching in mathematics teacher education: Promises and challenges // EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education. – 2024. – T. 20, № 1. – DOI: 10.29333/ejmste/13941.
7. Park E. The reflectivity of EFL preservice teachers in microteaching practice // International Journal of Learning, Teaching and Educational Research. – 2022. – T. 21, № 4. – P. 186–204. – DOI: 10.26803/ijlter.21.4.11.
8. Sanchez S.L., Athanases S.Z. Dialogic teacher inquiry: The case of a preservice teacher learning to facilitate class discussion // Dialogic Pedagogy. – 2023. – DOI: 10.5195/dpj.2023.482.
9. Schön D.A. The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. – New York: Basic Books, 1983. – 374 P.
10. Yang Z., Wang S. Dialogic teaching in secondary classrooms in China: Features, commonalities, and distinctiveness // Learning, Culture and Social Interaction. – 2022. – T. 34. – Art. 100619. – DOI: 10.1016/j.lcsi.2022.100619.
11. Doran G.T. There's a S.M.A.R.T. way to write management's goals and objectives // Management Review. – 1981. – T. 70, № 11. – P. 35–36.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья поступила в редакцию: 17.10.2026
Статья принята к публикации: 27.10.2026
Статья опубликована: 21.11.2026

УДК 821.161.1.09+81'373.7

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.149.11.23618

Авторское переосмысление устойчивых выражений в «Житии протопопа Аввакума»

Цой Марина Климентьевна
преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков
Республика Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: tsoymarisha@yandex.ru

Authorial reinterpretation of fixed expressions in the life of archpriest Avvakum

Tsoy Marina
teacher
at the Uzbek State University of World Languages
Uzbekistan, Tashkent

Аннотация

В статье рассматривается авторское переосмысление устойчивых выражений в «Житии протопопа Аввакума» и их роль в передаче личного опыта, речевого взаимодействия и нравственной оценки событий. Материалом исследования служит редакция А «Жития» по академическому изданию 2019 года. Применяются методы контекстуального и семантико-стилистического анализа, сопоставляются сходные обороты и их речевые функции. Исследуются разговорные выражения, этикетные и деловые формулы, библейские цитаты и обороты с учетом их исторического употребления. Устанавливается зависимость их значения и функции от ситуации, участников общения и последующей авторской оценки. На примерах раскрывается роль фразеологии в изображении перехода от ропота к принятию испытаний, осмыслении вины, выражении благодарности, почтительности и просьбы. Рассматриваются повторение, сокращение состава выражения, взаимодействие прямого и переносного значений. Разграничиваются фразеологические единицы, устойчивые речевые формулы, библейские цитаты и индивидуальные образные высказывания. Показано, что узнаваемые

Библиографическое описание: Цой М.К. Авторское переосмысление устойчивых выражений в «Житии протопопа Аввакума» // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23618

речевые формы, включенные в автобиографическое повествование, приобретают смысловую определенность и выразительность благодаря контексту. Авторское своеобразие проявляется в их связи с личной историей рассказчика и религиозным осмыслением пережитого.

Abstract

This article examines the authorial reinterpretation of fixed expressions in The Life of Archpriest Avvakum and their role in conveying personal experience, verbal interaction, and moral evaluation. Based on Redaction A in the 2019 scholarly edition, the study applies contextual and semantic-stylistic analysis to compare expressions and their communicative functions. Colloquial expressions, politeness and administrative formulas, and biblical quotations and expressions are examined in their historical context. Meanings and functions are shown to depend on the situation, participants, and subsequent authorial evaluation. Phraseology conveys the transition from complaint to acceptance of trials, reflections on guilt, gratitude, deference, and requests. Repetition, ellipsis, and interactions between literal and figurative meanings are explored. Phraseological units, speech formulas, biblical quotations, and individual figurative utterances are distinguished. Familiar verbal forms acquire semantic specificity and expressiveness within autobiographical narration. Authorial originality emerges through their connection with the narrator’s personal history and religious interpretation of lived experience.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, житие, историческая фразеология, устойчивое выражение, библеизм, речевая формула, контекстуальное переосмысление, авторская оценка, речевое взаимодействие, автобиографическое повествование.

Keywords: Archpriest Avvakum, hagiography, historical phraseology, fixed expression, biblical expression, speech formula, contextual reinterpretation, authorial evaluation, verbal interaction, autobiographical narrative.

Введение

Фразеологию «Жития протопопа Аввакума, им самим написанное» трудно описать простым перечнем книжных и разговорных оборотов. Одно и то же выражение здесь может передавать просьбу, благодарность или почтительное приветствие; знакомая библейская формула становится частью воспоминания о собственном страдании. Поэтому существенно не только происхождение устойчивого сочетания, но и то, кто, кому и при каких обстоятельствах его произносит.

Академик В.В. Виноградов рассматривал словоупотребление Аввакума в связи с взаимодействием церковно-книжной традиции, устной речи и авторского повествования [3, с. 371-379]. В современных исследованиях внимание направлено также на историческую изменчивость фразеологических единиц и способы их контекстуального освоения [6, с. 368-370; 9, с. 195-197]. Для чтения *«Жития»* важен и отмеченный Н.В. Понырко пастырский опыт его автора: рассказ о жизни связан с обращением священника к людям и осмыслением их поступков [11, с. 3-5]. Цель статьи – выяснить, как устойчивые выражения участвуют в изображении переживания, речевого общения и нравственного самоопределения рассказчика.

Материалы и методы

Материалом служит редакция А «Жития», опубликованная в издании, подготовленном Н.С. Демковой и Л.В. Титовой [1]. Примеры рассматриваются в пределах эпизода с учетом говорящего и последующей авторской оценки. Используются контекстуальный и семантико-стилистический анализ, сопоставление близких оборотов и их речевых функций. Сохранены особенности словесной формы цитат; ссылки отсылают к печатной пагинации издания.

При отборе разграничиваются идиоматические сочетания, устойчивые речевые формулы и цитаты. Дифференцированное описание особенно необходимо для исторического материала, в котором сосуществуют разные типы устойчивых комплексов [4, с. 37-42]. Понятие библеизма также шире понятия библейского фразеологизма: оно охватывает единицы неодинакового строения и степени смысловой связанности [2, с. 56-58]. Такое разграничение позволяет объяснять выразительность текста, сохраняя точность терминов.

Результаты и обсуждение

Показателен эпизод наказания Аввакума по приказу Пашкова. После побоев рассказчик вспоминает: «а лежа, на ум взбрело» [1, с. 26]. За оборотом следует обращенный к Христу вопрос о причине страдания. Выражение передает внезапно возникшую мысль, которую повествователь затем осуждает как проявление собственного самомнения. Отрицательная оценка возникает в данном контексте: ее создают содержание вопроса и последующее раскаяние. Сам оборот не заключает в себе обязательного значения греховной мысли.

В следующем фрагменте появляется близкая конструкция: *«На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя»* [1, с. 27]. Теперь вспоминается наставление о наказании как знаке отеческой любви. Два оборота обозначают возникновение мысли, но сопровождают разные внутренние движения: сначала ропот, затем обретение опоры в Писании. Повествователь подводит итог: *«И сими речьми тешил себя»* [1, с. 27]. В последовательности этих выражений можно увидеть словесное оформление перехода от обиды к принятию испытания.

Библейская речь при этом выполняет самостоятельное действие. Слова *«Его же любит Бог, того наказует»* [1, с. 27] (Евр. 12:6) воспроизводятся как узнаваемое наставление и средство утешения. Их нельзя безоговорочно приравнять к идиоме: в эпизоде сохраняется связь с определенным текстом и его религиозным смыслом. Рядом находится именование *«другой фарисей»*, обращенное рассказчиком к самому себе [1, с. 27]. Оно вызывает представление о самодовольном праведнике и усиливает самоосуждение. Связь библейского имени с культурно закрепленной оценкой рассматривается Т.Г. Никитиной на материале устойчивых сравнений [10, с. 113-115]. В анализируемом эпизоде именование служит контекстуальной библейской отсылкой.

Иную сторону фразеологии обнаруживает оборот *«бить челом»*. После разговора с женой Аввакум пишет: *«Я, су, ей за то челом»* [1, с. 39]. Глагол опущен, но ситуация благодарности остается понятной. В рассказе о благосклонном приеме в Москве та же основа возникает в характеристике бояр: *«челом да челом»* [1, с. 40]. Повтор передает настойчивое выражение почтения; в непосредственной реплике бояре просят благословения. Наконец, сообщая о помощи больному брату, автор замечает: *«И иным духовным я бил челом о брате»*

[1, с. 56]. Здесь выражение обозначает просьбу. Различие функций определяется участниками общения и зависимыми словами, а сокращение оборота показывает, насколько легко его узнаваемая часть включается в рассказ.

В московском эпизоде возникает и смысловое напряжение между жестом почтения и дальнейшим развитием отношений. Рассказчик помнит оказанную ему честь, хотя последующие события изменили его положение. Поэтому повтор *«челом да челом»* передает не только внешнее действие. Он сохраняет в повествовании память о прежнем взаимном расположении. Устойчивая формула помогает сопоставить разные состояния отношений между людьми без пространного объяснения.

Особое место занимает выражение *«слово и дело государево»*, употребленное в рассказе о дьяке Иване Струне [1, с. 24-25]. Это воспроизводимая формула доноса, связанная с практикой государственного разбирательства. Ее устойчивость имеет прежде всего институциональную основу. В *«Житии»* формула вводит в личный конфликт язык власти: противник рассказчика переводит столкновение в сферу обвинения. Данный пример показывает, почему описание фразеологии исторического произведения должно учитывать и деловые формулы, выделяя их в особую группу.

В эпизоде с Филиппом, представленным в повествовании как бесноватый, устойчивый оборот получает двойную смысловую опору. Филипп хватает Аввакума и произносит: *«Попал ты мне в руки!»* [1, с. 57]. Физическое действие делает наглядным переносное значение зависимости от чужой силы. Далее сам рассказчик говорит: *«Бес, - реку, - надо мною волю взял!»* [1, с. 57]. Событие переосмысляется как следствие его собственного проступка: прежде он оскорбил жену и домочадицу. Обороты связывают внешнее поражение с признанием вины. За ними следует примирение с женой, и бытовой конфликт получает нравственное разрешение.

Характерна также формула *«и смех и горе»*. В рассказе о конвоировании она включена в замечание *«помянется, - и смех и горе»* [1, с. 49]. Комическое рождается из несоразмерности между опасностью, которую власти приписывают узникам, и унизительными подробностями надзора. Но слово *«горе»* удерживает серьезность пережитого. Соединительная конструкция позволяет одновременно выразить две оценки, не сводя воспоминание к насмешке. Такая краткая формула передает сложность отношения рассказчика к собственному прошлому.

Книжное выражение *«во мгновении ока»* употреблено в рассуждении о воскресении мертвых [1, с. 51]. Оно сохраняет связь с апостольским словом о всеобщем преображении (1 Кор. 15:52) и обозначает предельную быстроту события. В данном месте сакральный смысл оборота остается существенным для понимания. Историческое изучение библеизмов требует учитывать путь их освоения и конкретную речевую среду [5, с. 400-401; 8, с. 42-45]. Поэтому современное восприятие знакомого выражения само по себе еще не объясняет его функцию в памятнике XVII в.

Заключение

Рассмотренные эпизоды показывают, что фразеология «Жития» участвует в движении рассказа. Близкие обороты о возникновении мысли обозначают смену внутреннего состояния; формула «бить челом» передает разные отношения между собеседниками;

выражения зависимости и подчинения включаются в историю признания вины. Библейские сочетания поддерживают религиозное осмысление опыта и сохраняют связь с первоисточником. Своеобразие Аввакума проявляется в том, как узнаваемая словесная форма получает точное место в личной истории. Для описания этого приема необходимо различать языковую устойчивость, цитатное воспроизведение и выразительность отдельного авторского высказывания.

Список литературы

1. Аввакум. Житие протопопа Аввакума / изд. подгот. Н.С. Демкова, Л.В. Титова. – СПб.: Наука, 2019. – 455 с.
2. Басалыга П.С. Біблеізм: аб’ём паняцця, крытэрыі вылучэння, дэфініцыя // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2025. – № 4 (76). – С. 56–60.
3. Виноградов В.В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1958. – Т. 14. – С. 371–379.
4. Генералова Е.В. Исторический фразеологический словарь русского языка XVI–XVII вв.: от концепции к реализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2024. – № 3. – С. 37–42.
5. Григорьев А.В. Влияние западноевропейских языков на систему библейских выражений в русском языке XVIII–XIX вв // Русистика. – 2025. – Т. 23, № 3. – С. 399–415.
6. Иванов Е.Е. Наследие Библии в русском языке: направления исследований и актуальные проблемы // Русистика. – 2025. – Т. 23, № 3. – С. 359–384.
7. Им С.Б. Морфонологическое понимание фузии русского языка // Вестник науки. – 2025. – № 5 (86). – С. 503–508. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/morfonologicheskoe-ponimanie-fuzii-russkogo-yazyka (дата обращения: 16.10.2026).
8. Мокиенко В.М. Из истории славянских фразеологических библеизмов (Земля обетованная) // Славистика. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 41–55.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Библейские фразеологизмы и паремии в современном социокультурном контексте: к концепции словарной репрезентации // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 8. – С. 193–210.
10. Никитина Т.Г. Библейские образы в устойчивых сравнениях славян: типы межъязыковых соответствий и их словарная репрезентация // Русин. – 2023. – № 71. – С. 113–130.
11. Понырко Н.В. Протопоп Аввакум: между литературой и жизнью // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб.: Наука, 2021. – Т. 68. – С. 3–22.
12. Цой М.К. Протопоп Аввакум: слияние традиций и новаторство в символике «Жития» // O‘zbekistonda xorijiy tillar. – 2024. – № 5. – С. 209–228. – DOI: 10.36078/1733291233.

13. Цой М.К. Языковая ситуация диглоссии и ее отражение в древнерусской агиографии в период второго южнославянского влияния // Universum: филология и искусствоведение. – 2025. – № 10 (136). – С. 35–39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-diglossii-i-ee-otrazhenie-v-drevnerusskoy-agiografii-v-period-vtorogo-yuzhnoslavyanskogo-vliyaniya.
14. Цой М.К. Феномен древнерусской живописи: византийский канон и становление оригинальной живописной традиции на древней Руси. Иностранные языки в Узбекистане (journalfledu.com). – 2025. № 5. – С. 245–258. – DOI: 10.36078/1762424914.

References

1. Avvakum. Zhitiye protopopa Avvakuma / izd. podgot. N.S. Demkova, L.V. Titova. – SPb.: Nauka, 2019. – 455 P. (In Russ.).
2. Basalyga P.S. Biblyeizm: ab’’yom panyatstsya, kryteryi vyluchennya, definitsyya // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnyye nauki. – 2025. – No. 4 (76). – P. 56–60.
3. Vinogradov V.V. K izucheniyu stilya protopopa Avvakuma, printsipov yego slovoupotrebleniya // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. – 1958. – Vol. 14. – P. 371–379. (In Russ.).
4. Generalova Ye. V. Istoricheskiy frazeologicheskiy slovar’ russkogo yazyka XVI–XVII vv.: ot kontseptsii k realizatsii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2024. – No. 3. – P. 37–42. (In Russ.).
5. Grigor’yev A.V. Vliyaniye zapadnoyevropeyskikh yazykov na sistemu bibleyskikh vyrazheniy v russkom yazyke XVIII–XIX vv // Rusistika. – 2025. – Vol. 23, No. 3. – P. 399–415. (In Russ.).
6. Ivanov Ye. Ye. Naslediye Biblii v russkom yazyke: napravleniya issledovaniy i aktual’nyye problemy // Rusistika. – 2025. – Vol. 23, No. 3. – P. 359–384. (In Russ.).
7. Im S.B. Morfonologicheskoye ponimaniye fuzii russkogo yazyka // Vestnik nauki. – 2025. – No. 5 (86). – P. 503–508. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/morfonologicheskoe-ponimanie-fuzii-russkogo-yazyka (accessed: 16.10.2026). (In Russ.).
8. Mokiyenko V.M. Iz istorii slavyanskikh frazeologicheskikh bibleizmov (Zemlya obetovannaya) // Slavistika. – 2024. – Vol. 28, No. 1. – P. 41–55. (In Russ.).
9. Mokiyenko V.M., Nikitina T.G. Bibleyskiye frazeologizmy i paremii v sovremennom sotsiokul’turnom kontekste: k kontseptsii slovarnoy reprezentatsii // Nauchnyy dialog. – 2023. – Vol. 12, No. 8. – P. 193–210. (In Russ.).
10. Nikitina T.G. Bibleyskiye obrazy v ustoychivykh sravneniyakh slavyan: tipy mezh”yazykovykh sootvetstviy i ikh slovarnaya reprezentatsiya // Rusin. – 2023. – No. 71. – P. 113–130. (In Russ.).
11. Ponyrko N.V. Protopop Avvakum: mezhdu literaturoy i zhizn’yu // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. – 2021. – Vol. 68. – P. 3–22. (In Russ.).

12. Tsoy M.K. Protopop Avvakum: sliyaniye traditsiy i novatorstvo v simvolike «Zhitiya» // O‘zbekistonda xorijiy tillar. – 2024. – No. 5. – P. 209–228. – DOI: 10.36078/1733291233. (In Russ.).
13. Tsoy M.K. Yazykovaya situatsiya diglossii i yeye otrazheniye v drevnerusskoy agiografii v period vtorogo yuzhnoslavyanskogo vliyaniya // Universum: filologiya i iskusstvovedeniye. – 2025. – No. 10 (136). – P. 35–39. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-diglossii-i-ee-otrazhenie-v-drevnerusskoy-agiografii-v-period-vtorogo-yuzhnoslavyanskogo-vliyaniya. (In Russ.).
14. Tsoy M.K. Fenomen drevnerusskoy zhivopisi: vizantiyskiy kanon i stanovleniye original’noy zhivopisnoy traditsii na drevney Rusi // Inostrannyye yazyki v Uzbekistane (journalfledu.com). – 2025. – No. 5. – P. 245–258. – DOI: 10.36078/1762424914. (In Russ.).

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Статья поступила в редакцию: 03.11.2026
Статья принята к публикации: 09.11.2026
Статья опубликована: 21.11.2026

УДК 372.881.111.1

Инновационные методы преподавания английского языка: повышение коммуникативной компетентности студентов

Баширова Камила Рауф кызы
преподаватель
Бакинская музыкальная академия имени Узеира Гаджибейли
Азербайджанская Республика, г. Баку
ORCID:https://orcid.org/0009-0004-6256-3447
E-mail: bashirovakamila5@gmail.com

Innovative methods of teaching English: enhancing students' communicative competence

Bashirova Kamila Rauf
teacher
Baku Music Academy named after Uzeyir Hajibeyli
Republic of Azerbaijan, Baku

Аннотация

Коммуникативная компетентность остается центральной целью обучения английскому языку, однако объяснение грамматики и запоминание лексики сами по себе не гарантируют способности эффективно общаться. В статье анализируется, как коммуникативное обучение языку, обучение на основе заданий, совместная и проектная работа, а также формирующее оценивание могут поддерживать осмысленное использование языка. Методологическую основу составляют системный, сравнительный, тематический и контекстуальный анализ научной литературы, включая исследования, посвященные преподаванию английского языка в Азербайджане. Показано, что рассматриваемые подходы следует согласовывать с коммуникативными результатами, уровнем подготовки студентов и доступными учебными ресурсами. Предлагается последовательность планирования занятия: определение коммуникативной цели, подготовка задания, организация взаимодействия, предоставление целевой обратной связи и оценка переноса навыков в новую ситуацию. Отдельно уточняется, что справедливость обучения означает обеспечение равных возможностей участия при разумном учете различий между студентами. Статья представляет собой концептуальный анализ опубликованных источников; новые эмпирические данные не собирались. Ее вклад

Библиографическое описание: Баширова К.Р. кызы Инновационные методы преподавания английского языка: повышение коммуникативной компетентности студентов // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23680

заключается в практической структуре выбора и согласования методов обучения с целями, условиями занятий и критериями оценки. Практические положения ориентированы на преподавателей высшей школы.

Abstract

Communicative competence remains a central goal of English language teaching, yet grammar explanation and vocabulary memorization alone do not guarantee the ability to communicate effectively. This article examines how communicative language teaching, task-based learning, cooperative and project work, and formative assessment can support meaningful language use. Its methodological basis combines systematic, comparative, thematic, and contextual analysis of published literature, including studies on English language teaching in Azerbaijan. The analysis indicates that these approaches should be aligned with communicative outcomes, students' proficiency levels, and available educational resources. The article proposes a lesson-planning sequence involving the definition of a communicative goal, task preparation, interaction, targeted feedback, and assessment of skill transfer to a new context. It also clarifies educational equity as the provision of fair opportunities to participate while reasonably accounting for differences among learners. The article is a conceptual analysis of published sources and reports no new empirical data. Its contribution is a practical framework for selecting and aligning teaching methods with learning goals, classroom conditions, and assessment criteria. The practical recommendations are intended for higher education teachers.

Ключевые слова: преподавание английского языка, коммуникативная компетентность, коммуникативное обучение языку, обучение языку на основе заданий, совместное обучение, формирующее оценивание.

Keywords: English language teaching, communicative competence, communicative language teaching, task-based language teaching, cooperative learning, formative assessment.

1. Введение

Английский язык широко используется в высшем образовании, научных исследованиях и профессиональном общении. Однако учащиеся могут изучать его годами, не чувствуя уверенности в спонтанном взаимодействии. Этот пробел возникает, когда обучение уделяет непропорциональное внимание языковым формам и даёт мало возможностей использовать их в коммуникации. Грамматика и лексика остаются важными, но учащимся также необходимо уметь интерпретировать смысл, управлять взаимодействием и адаптировать язык к контексту.

Хаймс [6] утверждал, что знание языка включает не только грамматические возможности, но и уместность в социальных ситуациях. Канале и Суэйн [2] описали коммуникативную компетенцию через грамматические, социолингвистические и стратегические ресурсы. Для анализа преподавания английского языка в Азербайджане особенно важны исследования, рассматривающие переход от традиционных методик к коммуникативному обучению и связанные с ним институциональные и педагогические трудности [11]. Более поздние публикации азербайджанских исследователей обсуждают современные методы преподавания английского языка в университетской среде [12], а также

применение коммуникативного подхода в учреждениях высшего образования страны [13]. Эти работы позволяют учитывать не только общие положения методики, но и образовательный контекст, в котором предполагается применять рассматриваемые подходы. В российской методической литературе также подчеркивается, что коммуникативный метод должен строиться вокруг речевых намерений и ситуаций реального взаимодействия [14]. Структура иноязычной коммуникативной компетенции также рассматривается в отечественных лингводидактических исследованиях, где подчеркивается ее комплексный характер [15]. Современные классы при этом разнообразны: большие группы, разный уровень владения языком, ограниченное время и экзамены, акцентирующие отдельные языковые знания. Поэтому метод не следует внедрять лишь потому, что он назван инновационным: его ценность зависит от достижения намеченных результатов, осуществимости в местном контексте и возможности показать прогресс учащихся.

Цель статьи — проанализировать, как отдельные коммуникативные и ориентированные на обучающегося методы способствуют развитию коммуникативной компетенции в обучении английскому языку. Задачи исследования: (1) объяснить взаимосвязь между коммуникативной компетентностью и практикой в классе; (2) изучить коммуникативный подход, обучение на основе заданий, проектную работу, сотрудничество и формирующее оценивание; (3) обсудить проблемы внедрения; (4) предложить практическую последовательность согласования результатов обучения, видов деятельности, обратной связи и оценивания. Вклад статьи заключается в концептуальной основе, ориентированной на синтез, а не в утверждении нового экспериментально подтверждённого метода.

2. Материалы и методы

Исследование имеет концептуальный характер и основано на анализе опубликованных научных работ по теории коммуникативной компетентности, коммуникативному обучению языку, обучению на основе заданий, совместному обучению и формирующему оцениванию. Для решения поставленных задач использованы следующие методы: (1) системный анализ — для рассмотрения коммуникативной компетентности как целостного результата, включающего языковые знания, социолингвистическую уместность и стратегии взаимодействия; (2) сравнительный анализ — для сопоставления коммуникативного подхода, обучения на основе заданий, проектной и кооперативной работы по их целям, организации взаимодействия и требованиям к оцениванию; (3) тематический анализ литературы — для выделения повторяющихся тем, связанных с постановкой коммуникативных задач, языковой поддержкой, обратной связью и переносом навыков; (4) контекстуальный анализ — для рассмотрения возможностей применения описанных подходов в условиях азербайджанского высшего образования с учетом различий в уровне подготовки студентов, учебных ресурсах и организации занятий. Отбор источников был целевым: включались теоретические и исследовательские публикации, непосредственно относящиеся к предмету статьи, в том числе работы, посвященные преподаванию английского языка в Азербайджане. Анализ не является систематическим обзором и не претендует на исчерпывающий охват баз данных; количественный синтез не проводился. Участники исследования не привлекались, первичные

данные не собирались. Поэтому выводы представляют собой литературно обоснованные аналитические положения и рекомендации по проектированию занятий, а не утверждения о доказанной экспериментальной эффективности отдельных методов.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Коммуникативная компетентность и цель обучения языку

Коммуникативную компетентность лучше всего понимать как способность использовать языковые ресурсы в соответствии с контекстом и достаточно для достижения коммуникативной цели. Канале и Суэйн [2] связали грамматические знания с социолингвистической и стратегической компетентностью, поэтому учащиеся должны практиковать как формы английского языка, так и решения, связанные с их использованием.

Например, урок по просьбам не должен ограничиваться модальными глаголами. Учащиеся могут сравнить, как просьба меняется в зависимости от отношений между говорящими и ситуации; ролевая игра делает эти варианты видимыми, а обсуждение после задания помогает выделить язык, который привёл к цели. Точность и уместность при этом рассматриваются как взаимосвязанные цели. Компетентность включает также рецептивную и письменную коммуникацию: интегрированный урок может сочетать чтение источников, обсуждение, пересказ одноклассника и написание рекомендации для определённой аудитории.

3.2. Коммуникативное обучение языку и обучение на основе задач

Коммуникативный подход ставит осмысленное общение в центр обучения. Это не единый метод и не отказ от явного обучения языку: Ричардс [10] описывает его как подход, реализация которого зависит от контекста. Обучение на основе заданий организует процесс вокруг заданий, в которых язык используется для достижения результата. Эллис [4] отличает задания от упражнений по наличию смысла, связи с реальным миром и результата, выходящего за рамки демонстрации формы. Например, учащиеся сравнивают варианты поездки с учетом бюджета и приходят к согласованному решению. Исследования, посвященные преподаванию английского языка в азербайджанских вузах, также рассматривают сочетание современных методик и коммуникативной направленности обучения [12; 13]. При этом Шафиева и Кеннеди [11] обращают внимание на то, что внедрение коммуникативного обучения в Азербайджане зависит не только от выбранной методики, но и от образовательной политики, установок преподавателей, их подготовки и ожиданий студентов. Следовательно, адаптация подхода к конкретной учебной среде является частью методического проектирования, а не второстепенным условием. Обучение на основе заданий остается одним из наиболее изучаемых подходов; тенденции исследований за 1985–2020 гг. описаны в библиометрическом анализе [9].

Эффективный цикл включает подготовку, выполнение и фокусировку на языке после задания. Подготовка активизирует знания и уточняет результат; во время выполнения учитель наблюдает и отмечает языковые потребности; затем класс анализирует полезные выражения и повторяет задание с новым ограничением. Качество заданий имеет значение: слишком сложные инструкции отвлекают от языка, а задания без реального

информационного пробела ведут к поверхностному взаимодействию. Сложность можно регулировать объёмом информации, временем на планирование, языковой поддержкой и числом критериев.

3.3. Совместное и проектное обучение

Групповая работа не обязательно продуктивна. Джонсон и Джонсон [7] выделяют позитивную взаимозависимость и индивидуальную ответственность как центральные элементы кооперативного обучения: у группы должна быть общая цель, а каждый учащийся отвечает за свой вклад. Для этого полезны меняющиеся роли (модератор, проверяющий доказательства, ведущий записи, докладчик), индивидуальные итоговые задания и краткие рефлексии.

Проектная работа расширяет коммуникацию на несколько уроков: руководство для первокурсников, эпизод подкаста, информационный плакат. Проект объединяет чтение, исследование, обсуждение, написание и презентацию и создаёт реальную аудиторию. Но он неэффективен, если результат важнее изучения языка. Помогают чёткие языковые цели, поэтапные сроки, модели и критерии оценки, а также доступность: проект не должен зависеть от дорогостоящего программного обеспечения или домашнего интернета.

3.4. Формирующее оценивание, обратная связь и автономия обучающегося

Оценка должна измерять результаты, которые призваны развить учащиеся. Если курс направлен на улучшение взаимодействия, она должна учитывать соблюдение очерёдности реплик, уточнение и выполнение заданий, а не только отдельные грамматические элементы. Блэк и Уильям [1] подчеркнули роль оценки в классе в поддержке обучения, а Хэтти и Тимперли [5] показали, что обратная связь полезнее всего, когда помогает понять цель, текущий уровень и следующий шаг. Вместо отметки каждой ошибки учитель может выделить одну успешную стратегию и один языковой паттерн для отработки. Исправляющая устная обратная связь рассматривается как форма формирующего оценивания при обучении говорению [8], а взаимная обратная связь в устной речи студентов вуза — как дополнительный ресурс развития говорения [3].

Рубрики делают ожидания прозрачными: критерии могут включать достижение цели, понятность, интерактивность, языковой диапазон и точность. Самооценка должна опираться на примеры и указания учителя. Автономия развивается через личные цели, записи о словарном запасе, учебные дневники и анализ стратегий, но не означает отказа от поддержки учителя.

3.5. Проблемы и адаптация с учётом контекста

Большие классы ограничивают наблюдение за каждым учеником, разный уровень подготовки затрудняет калибровку заданий, экзаменационное давление смещает обучение к узким формам, а учащиеся, привыкшие к занятиям под руководством учителя, могут испытывать неуверенность при заданиях открытого типа. Эти условия требуют адаптации, а не повсеместного внедрения одного метода: в большой группе короткие парные задания с четкими временными ограничениями могут быть практичнее длительного общего обсуждения, а при нехватке ресурсов достаточно печатных карточек и доски. Грамматика может оставаться предметом явного обучения, если она связана с коммуникативной задачей,

а языковую поддержку (шаблоны предложений, модели, списки лексики) можно постепенно сокращать. Российские исследования коммуникативного метода также подчеркивают значение специально организованных речевых ситуаций и интерактивных заданий для практического использования языка [14].

В настоящей статье выражение «справедливость обучения» означает не одинаковые задания для всех, а равные и обоснованные возможности участвовать в учебной коммуникации и демонстрировать достигнутые результаты. Это предполагает учет различий в исходном уровне владения языком, доступе к цифровым устройствам и интернету, особенностях образовательного опыта и уверенности при публичном выступлении. Для обеспечения таких возможностей преподаватель может предусматривать разные уровни языковой поддержки, альтернативные формы участия (устную, письменную или визуальную), распределение ролей в группе и прозрачные критерии оценивания. Таким образом, качество обучения связано с достижением заявленных коммуникативных результатов, а справедливость — с доступностью учебных возможностей и отсутствием необоснованных барьеров для участия студентов.

3.6. Практическая основа для разработки уроков

Анализ предлагает шестиэтапную структуру планирования. Во-первых, определить конкретный результат (сравнение вариантов, объяснение процесса, достижение согласия). Во-вторых, определить нужные языковые ресурсы и стратегии взаимодействия. В-третьих, подготовить задание, требующее осмысленного обмена мнениями, а не повторения. В-четвёртых, обеспечить поддержку: модели, лексику, время на планирование, карточки с ролями. В-пятых, наблюдать за выполнением и давать целенаправленную обратную связь. В-шестых, оценить, могут ли учащиеся применить язык или стратегию в изменённом контексте.

Последовательность гибка: начинающим подходят визуальные подсказки и ограниченный выбор, более продвинутым — неоднозначная информация и развёрнутые обоснования. Критерии оценки должны оставаться видимыми, чтобы учащиеся понимали цель каждого задания.

4. Заключение

Коммуникативная компетентность развивается, когда учащиеся используют английский язык для достижения значимых целей, получают конкретную обратную связь, анализируют собственную работу и переносят освоенные языковые средства и стратегии в новые ситуации. Коммуникативный подход, обучение на основе заданий, совместная и проектная работа, а также формирующее оценивание предлагают взаимодополняющие способы создания таких возможностей. Рассмотренные исследования по преподаванию английского языка в Азербайджане показывают важность учета местного образовательного контекста, подготовки преподавателей и условий реализации коммуникативных методов [11–13]. Поэтому инновации следует оценивать не по внешней новизне учебной активности, а по двум конкретным критериям: качеству обучения (насколько деятельность помогает достичь заранее определенных коммуникативных результатов) и справедливости учебных возможностей (насколько все студенты, несмотря на различия в исходной подготовке

и доступе к ресурсам, могут участвовать и продемонстрировать прогресс). Предложенная в статье концептуальная последовательность может служить основой для планирования занятий, однако ее применимость в различных образовательных условиях нуждается в дальнейшей эмпирической проверке.

Список литературы

1. Black P., Wiliam D. Assessment and classroom learning // Assessment in Education: Principles, Policy & Practice. – 1998. – Т. 5, № 1. – P. 7–74. – DOI: 10.1080/0969595980050102.
2. Canale M., Swain M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing // Applied Linguistics. – 1980. – Т. 1, № 1. – P. 1–47. – DOI: 10.1093/applin/I.1.1.
3. Chen I.Y., Hiver P. Peer feedback in EFL university speaking // System. – 2023. – Т. 114. – Art. 103007. – DOI: 10.1016/j.system.2023.103007.
4. Ellis R. Task-Based Language Learning and Teaching. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 387 P.
5. Hattie J., Timperley H. The power of feedback // Review of Educational Research. – 2007. – Т. 77, № 1. – P. 81–112. – DOI: 10.3102/003465430298487.
6. Hymes D. On communicative competence // Sociolinguistics / ed. by J.B. Pride, J. Holmes. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – P. 269–293.
7. Johnson D.W., Johnson R.T. An educational psychology success story: Social interdependence theory and cooperative learning // Educational Researcher. – 2009. – Т. 38, № 5. – P. 365–379. – DOI: 10.3102/0013189X09339057.
8. Mahmudah S., Anggunsari P. Oral corrective feedback as a formative assessment in teaching speaking skill // Journal of Research on English and Language Learning. – 2023. – Т. 4, № 1. – DOI: 10.33474/j-reall.v4i1.19432.
9. Qin J., Lei L. Research trends in task-based language teaching: A bibliometric analysis from 1985 to 2020 // Studies in Second Language Learning and Teaching. – 2022. – Т. 12, № 3. – P. 381–404. – DOI: 10.14746/ssllt.2022.12.3.3.
10. Richards J.C. Communicative Language Teaching Today. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 47 P.
11. Shafiyeva U., Kennedy S. English as a foreign language in Azerbaijan: English teaching in the post-Soviet era // English Today. – 2010. – Т. 26, № 1. – P. 9–14. – DOI: 10.1017/S0266078409990629.
12. Babayeva A., Alekberova Z. Theoretical and Practical Aspects of Modern Methods of Teaching English at the Ganja State University // Arab World English Journal. – 2023. – Т. 14, № 4. – P. 409–422. – DOI: 10.24093/awej/vol14no4.26.
13. İsmayılova R. Azərbaycan Ali Təhsil Müəssisələrində Kommunikativ Yanaşma Əsasında İngilis Dilinin Tədrisinin Effektivliyi [Effectiveness of English Language Teaching Based on Communicative Approach in Azerbaijan Higher Education Institutions] // Akademik Tarih ve Düşünce Dergisi. – 2025. – Т. 12, № 2. – P. 654–663.

14. Berzegova L. Yu., Rudinskaya L.S. Application of the communicative method of teaching foreign languages in a non-linguistic higher education institution // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – № 8–1. – P. 30–34. – DOI: 10.24412/2500-1000-2022-8-1-30-34.
15. Shishigina Ya. A. A study of the content and structure of foreign-language communicative competence // Language and Text. – 2020. – T. 7, № 3. – P. 70–78. – DOI: 10.17759/langt. 2020070307.

Статья поступила в редакцию: 29.10.2026
Статья принята к публикации: 06.11.2026
Статья опубликована: 21.11.2026

УДК 81'38+81'373.231+821.512.162.09

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.149.11.23676

Стилистические функции антропонимов в азербайджанской прозе периода государственности

Годжаева Нармин Ширзад
преподаватель кафедры азербайджанского языкознания
Азербайджанский государственный педагогический университет, докторант, Бакинский университет Евразия
Азербайджанская Республика, г. Баку
E-mail: studentportal88@yahoo.com

Stylistic functions of anthroponyms in Azerbaijani prose of the independence period

Godjayeva Narmin Shirzad
lecturer
Department of Azerbaijani Linguistics, Azerbaijan State Pedagogical University, Doctoral Student, Baku Eurasian University
Azerbaijan, Baku

Аннотация

В статье рассматриваются стилистические функции антропонимов в азербайджанской прозе в современной азербайджанской литературе. На основе качественного контекстуального анализа литературных примеров исследуются личные имена, фамилии, уменьшительные формы, прозвища и сочетания имён с социально значимыми обращениями. Анализируются способы индивидуализации персонажа, выражения эмоционального отношения, передачи национального колорита и формирования символического смысла. Особое внимание уделяется соотношению исходной семантики имени и его значения в художественном контексте. На материале романа Эльчина Мехралиева «Doxsanıncı illər» показано, как имя *Ümid* включается в смысловую перспективу повествования, а полная форма *Qəmzə Abbas qızı* поддерживает социальную и семейную определённость образа. Сопоставление прозвищ в произведениях И. Шихлы демонстрирует зависимость оценочной функции от поступков персонажа и авторского изображения. Обосновывается необходимость разграничивать лексическую мотивировку имени и его контекстуальную интерпретацию. Сделан вывод, что антропонимическая номинация участвует в создании образной системы произведения, однако её функции устанавливаются посредством анализа текста, а не только

Библиографическое описание: Годжаева Н.Ш. Стилистические функции антропонимов в азербайджанской прозе периода государственности // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23676

этимологии имени. Методика предполагает последовательное рассмотрение формы номинации, её лексической мотивировки, речевой ситуации и связи с развитием образа. Выявленные функции соотносятся с повествовательной перспективой и отношениями между персонажами. Отбор материала носит иллюстративный характер; поэтому результаты описывают способы художественного именования и не позволяют судить о частотном распределении антропонимических моделей во всей азербайджанской прозе периода государственности.

Abstract

The article examines the stylistic functions of anthroponyms in Azerbaijani prose of the independence period. Drawing on a qualitative contextual analysis of literary examples, it considers personal names, surnames, diminutive forms, nicknames, and combinations of names with socially meaningful forms of address. The discussion identifies mechanisms of character individualization, emotional evaluation, cultural characterization, and symbolic meaning. Particular attention is paid to the relationship between a name's lexical motivation and its function in a literary context. Examples from Elchin Mehraliyev's Doxsanıncı illər show how the name *Ümid* contributes to the narrative's thematic development, while the full naming form *Qəmzə Abbas qızı* establishes the character's social and familial identity. A comparison of nicknames in Ismayil Shikhli's prose demonstrates that evaluative meaning depends on characterization and narrative context. The article argues that lexical motivation should be distinguished from contextual interpretation. Anthroponymic nomination contributes to the literary organization of a text, but its functions must be established through contextual analysis rather than inferred from etymology alone.

Ключевые слова: поэтическая ономастика, антропоним, азербайджанская проза, период государственности, прозвище, стилистическая функция.

Keywords: literary onomastics, anthroponym, Azerbaijani prose, independence period, nickname, stylistic function.

Введение

Имена персонажей представляют собой значимый компонент художественной речи. Они позволяют различать участников повествования, но одновременно могут указывать на социальную среду, выражать отношение говорящего и поддерживать смысловые связи внутри произведения. Поэтому изучение антропонимов требует соединения лексико-семантического описания с анализом авторского словоупотребления.

В азербайджанской прозе периода независимости антропонимическая номинация рассматривается в связи с национальной идентичностью, исторической памятью и индивидуальным стилем писателя. Однако наличие национальной формы имени само по себе ещё не определяет её художественную функцию. Одно и то же имя в разных речевых ситуациях может выступать нейтральным обозначением, знаком близости или средством оценки.

Цель статьи — раскрыть основные способы стилистического использования антропонимов в азербайджанской прозе в современной азербайджанской литературе и определить роль контекста в формировании их художественного значения. Для этого рассматриваются полные и сокращённые формы личных имён, фамильные модели, прозвища и сочетания имени с дополнительными обозначениями лица.

Современные исследования литературных имён

Г. Фиорин и Д. Дельфитто связывают понимание вымышленного имени с конструированием возможных контекстов его интерпретации [14]. Для настоящего исследования это даёт основание рассматривать имя вместе с ситуацией употребления. М. Гибка различает функции, устанавливаемые при назывании персонажа и при использовании имени в повествовании; при переводе часть функций может изменяться [15]. Следовательно, одинаковая форма не гарантирует одинакового стилистического эффекта.

З. Темиргазина показывает, что антропонимы в поэзии Павла Васильева сочетают идентификацию с художественно-стилистической ролью, причём их символические и аллюзивные возможности связаны с культурной историей имени [7]. А. Рейтер рассматривает семантические, прагматические и эстетические свойства именования в прозе Ольги Токарчук [17]. К. Стржелец связывает систему имён художественного произведения с авторской поэтикой и жанровыми условиями [6]. Эти работы позволяют анализировать азербайджанские примеры как элементы целостного повествования.

К. Зайонц-Хадух исследует прозвища в рассказах В. Шукшина как средство характеристики и отражения речевой среды небольшого сообщества [2]. Э. Андерсон изучает связь имени, выбора и идентичности в The Name Jar [11]. К. Томас и Б. Самджоуз рассматривают процессы согласования и принятия имени в книгах с культурно разнообразными персонажами [18]. Их результаты относятся к иным литературным материалам, но помогают сформулировать вопросы о том, кто называет героя и как именование соотносится с отношениями между людьми. В азербайджанском контексте Ш. Ахмадова исследует лексическую многозначность и ценность языка И. Шихлы для лексикографии [10]. Её работа подчёркивает необходимость учитывать конкретное словоупотребление; этот принцип применим и к анализу компонентов прозвищ.

Н. Сармашык анализирует передачу придуманных имён на турецкий язык, включая фамилии, прозвища и сочетания с титулами [5]. С. Беренс рассматривает именование как ресурс самоутверждения персонажей подростковой прозы [12]. Х. О’Нилл раскрывает эстетическую продуктивность имён в поэзии Дерека Уолкотта [16]. С. Чафоле и М. Тетсо связывают имена персонажей романа *Mosali* а *Nkhola* с развитием темы и культурной традицией [13]. Данные исследования расширяют сравнительный фон; их выводы не подменяют анализ конкретных азербайджанских номинаций.

Материалы и методы

Материал исследования составляют антропонимические номинации в произведениях Э. Мехралиева «Doxsanıncı illər», И. Шихлы «Ölən dünyam», Вариса Йолчуева «Bir ovuc torpaq», А. Масуд, А. Енисея и Э. Элатлы [1, 3, 4, 8, 9, 19]. Рассматриваются личные имена,

фамилии, сокращённые формы, прозвища и сочетания имени с социально значимыми обращениями. Азербайджанские формы сохраняются в оригинальном написании, поскольку их звуковой и морфологический облик существенен для анализа.

Использованы описательный метод, контекстуально-стилистический анализ и сопоставление способов именования. Рассматриваются структура номинации, мотивирующий признак, речевая ситуация и отношение между именем и характеристикой персонажа. Примеры отобраны для раскрытия различных функций, поэтому не образуют статистически репрезентативного корпуса. Выводы касаются механизмов художественного употребления, а не частотности имён во всей прозе рассматриваемого периода.

Теоретическую основу составляет функциональный и контекстуальный подход к литературному именованию [6, 7, 14, 15, 17]. Термин «антропоним» обозначает личное имя и другие наименования человека, включая фамилию и прозвище. Разграничиваются идентификация, характеристика, эмоциональная оценка и символизация. Современные исследования прозвищ дополняют эту схему вниманием к речевой среде и повествовательной перспективе [2].

Результаты и обсуждение

Личное имя и смысловая организация образа

Первичная функция личного имени — идентификация персонажа. Стилистическая нагрузка возникает тогда, когда именование связывается с характеристикой героя, повторяющимся мотивом или перспективой сюжета. Для анализа необходимо различать исходное значение слова, ставшего именем, и смысл, который актуализируется в повествовании. Этимологически прозрачное имя может оставаться нейтральным, а непрозрачное для читателя - приобретать эмоциональную значимость благодаря контексту. Подобное разграничение соотносится с контекстуальной теорией вымышленных имён [14] и исследованием поэтонимов [7].

Показателен антропоним *Ümid* в романе Э. Мехралиева «Doxsanıncı illər». Азербайджанское слово ümid означает «надежда». В эпизоде именования ребёнка отец связывает имя ребёнка с надеждой семьи на будущее; последующее сохранение жизни мальчика и его матери поддерживает эту смысловую линию. Здесь символическая функция подтверждается взаимодействием мотивировки имени и развития событий. Именование участвует в создании перспективы продолжения жизни после семейной трагедии [4, с. 7].

Иной способ организации образа представлен формой *Qəmzə Abbas qızı* в том же романе. Компонент Abbas qızı обозначает дочь Аббаса и включает персонажа в систему семейной идентификации. Повторение полного именования позволяет прочитывать его как средство устойчивого представления героини в повествовании. Значимость этой формы определяется сочетанием культурно узнаваемой модели и действий персонажа, а не обязательным соответствием имени моральным качествам [4].

Исходная семантика имени *Qəmzə* не совпадает непосредственно с мужественным характером героини. Такое несовпадение не следует автоматически считать иронией. Оно показывает, что литературный характер не выводится из словарного значения имени:

художественная характеристика формируется поступками, речью и отношением к другим людям. Анализ имени должен учитывать эту относительную самостоятельность номинации и образа [4].

Фамилии и социально значимые компоненты именования

Фамилия дополняет идентификацию и может обозначать принадлежность к определённой культурной модели. В исследуемом материале встречаются формы с национальными формантами -lı, -li, -lu, -lü и фамилии с окончаниями -ov, -yev. В рассматриваемых произведениях встречаются *Qanbay Qasımlı, Nemət Sabirli, Qulam Hüseynli*, а также *Mahir Talıbov* и *Rafael Vəliyev*. Сосуществование этих моделей позволяет говорить о разнообразии фамильного оформления в рассматриваемых текстах [3; 9].

Национальный формант может усиливать культурную узнаваемость имени, но не является самостоятельным доказательством авторской оценки. В частности, номинация *Qanbay Qasımlı* в произведениях Э. Элатлы получает содержательную определённость через устойчивый образ героя. Фамильная форма включается в его узнаваемое обозначение; положительная характеристика должна подтверждаться изображением персонажа. Без количественных данных нельзя на основании отдельных примеров утверждать, что одна модель вытеснила другую [9].

Особого внимания заслуживают сочетания имени с компонентами *kişi* и *müəllim*. В примерах *Tələt kişi* у Вариса Йолчуева и *Mətləb müəllim* у Э. Мехралиева дополнительное слово передаёт социальное восприятие лица. В соответствующем контексте *kişi* может выражать уважение к человеку, обладающему авторитетом в общине, а *müəllim* указывает на профессиональную либо принятую в общении уважительную характеристику [4; 1].

Такие компоненты следует отличать от частей составного имени и от собственно прозвищ. Их функция зависит от позиции говорящего, адресата и обстоятельств общения. Сопоставление полного имени, краткой формы и уважительного обращения позволяет установить, как в тексте обозначаются дистанция, признание авторитета и характер межличностных отношений.

Сокращённые формы и эмоциональные отношения

Вариативность личного имени позволяет передавать изменение речевого регистра. В романе используются формы *Zəriş* от *Zərnişan* и *Hüsü* от *Hüsnübanu*, употреблённые в романе «Doxsanıncı illər». Их функционирование связано с повседневной коммуникацией и эмоциональной близостью. Сокращённое именование делает речь персонажей соотнесённой с семейной или неофициальной средой [4].

При этом сокращение не имеет единственной оценочной функции. В одной ситуации оно выражает ласку, в другой — фамильярность, а в третьей оказывается привычной разговорной формой. Для разграничения необходимо учитывать, кто использует имя, в отношении кого и в каком эпизоде. Само изменение звукового облика имени не доказывает ни пренебрежения, ни положительного отношения. В этом отношении полезно различать носителя имени, того, кто его даёт, и того, кто использует его в общении [18].

Различие между нейтральным и эмоционально окрашенным именованием может быть значимым и без прямого авторского объяснения. Если один персонаж называет другого полной формой, а близкий человек использует сокращённую, система номинаций отражает различие отношений. Поэтому единицей стилистического анализа целесообразно считать не изолированную форму, а её употребление в конкретной речевой ситуации. Для такого анализа существенно различение акта называния и последующих актов употребления имени [15].

Прозвища и контекстуальная оценка персонажа

Прозвище отличается от основного имени более явной связью с выделяемым признаком. Оно может формироваться на основе внешности, занятия, поведения или памятного события. В художественной прозе такая номинация сжимает характеристику: читатель получает одновременно обозначение персонажа и указание на то, каким его видят окружающие. Однако мотивирующий признак и итоговая оценка не тождественны. Связь прозвища с локальной речевой средой отмечается и в анализе деревенской прозы [2].

Это различие прослеживается в прозвищах *Çapıq Əmrah* и *Keçəl Xondulu* в произведении И. Шихлы «Ölən dünyam». В первом случае компонент çapıq указывает на шрам, во втором keçəl - на отсутствие волос. Шрам Эмраха связан с ранением, а сам персонаж изображён положительно; Хондулу получает отрицательную характеристику. Следовательно, номинация по внешнему признаку может сопровождать разные оценочные позиции [8].

Прозвище *Çapıq Əmrah* целесообразно интерпретировать в связи с биографией и поведением героя. Оно не обязательно вызывает комический эффект, поскольку в повествовании может напоминать о пережитом испытании. Отрицательное восприятие *Keçəl Xondulu* также нельзя объяснять одним значением прилагательного. Оценка складывается из действий персонажа и авторского изображения; внешний признак лишь закрепляется в его устойчивом обозначении.

Среди рассматриваемых примеров представлены также профессиональные и предметно мотивированные наименования: dülgər *Ağaəli, dəllək Fəti, Qızıl Qubad*. Первые два обозначения связывают лицо с ремеслом. В случае Qızıl Qubad связь с золотом включается в характеристику деятельности персонажа. Это позволяет различать прямое обозначение занятия и номинацию, мотивированную более сложной биографической ассоциацией. Отнесение любой такой формы к прозвищам требует проверки её устойчивости и употребления вместо либо вместе с основным именем [4; 19, с. 169–170].

Отдельную группу составляют номинации на основе названий животных. Их перенос на человека может актуализировать культурно закреплённый признак, но оценка устанавливается в контексте. В частности, форма *Xocalı qartalı* допускает связь образа орла с силой и мужеством. Вместе с тем реплика противника может придавать именованию дополнительную интонацию. Поэтому следует разграничивать положительный образный потенциал слова и отношение конкретного говорящего.

Рассмотренные случаи показывают, что классификация прозвищ по мотивировке должна дополняться функциональной характеристикой. Для каждой номинации следует устанавливать, какой признак выбран, кому принадлежит именование и как оно соотносится с развитием образа. Такой подход предотвращает механическое приписывание одинакового

смысла всем прозвищам одной структурной группы. Сопоставление с переводческим исследованием [5] также показывает, почему сохранение формы и сохранение функции следует рассматривать раздельно.

Заключение

Качественный анализ примеров из азербайджанской прозы в период государственности позволяет выделить несколько взаимодействующих функций антропонимов. Личное имя обеспечивает идентификацию и при поддержке сюжета приобретает символический смысл. Полные формы и фамилии формируют культурную и семейную определённость персонажа. Сокращённые варианты отражают эмоциональную близость и речевой регистр. Прозвища выделяют признаки, через которые персонаж воспринимается окружающими, и могут участвовать в выражении оценки. Эти наблюдения согласуются с современным пониманием литературного имени как контекстуально действующего элемента повествования [14; 17; 6].

Художественная функция имени определяется совокупностью его структуры, мотивировки и контекстуального употребления. Наиболее отчётливо это проявляется в различии между символически поддержанным именем Ümid и именованиями, значение которых раскрывается преимущественно через поступки героя. Аналогичным образом внешняя мотивировка прозвища не предопределяет комического или отрицательного эффекта.

Результаты характеризуют рассмотренные примеры и не устанавливают общую частотность антропонимических моделей. Дальнейшее исследование предполагает сверку номинаций с полными текстами произведений, формирование размеченного корпуса и сопоставление авторских стратегий именования. Это позволит уточнить границы между культурно обусловленной формой имени и индивидуальным стилистическим решением писателя.

Список литературы

1. Йолчуев В. (Варис). Bir ovuc torpaq. – Bakı: Vektor Nəşrlər Evi. – 2009. – 318 P.
2. Зайонц-Хадух К. Zając-Haduch K. Przezwisko jako kategoria antroponimiczna w opowiadaniach Szukszyna // Onomastica. – 2025. – T. 69. – P. 93–109. – DOI: 10.17651/ONOMAST.69.6.
3. Масуд А. Yazı. – Bakı: Qanun. – 2005. – 432 P.
4. Мехралиев Э. Doxsanıncı illər. – Bakı: Nurlan. – 2004. – 232 P.
5. Сармашык Н. Sarmaşık N. Translating Character Names in Fantasy Literature: A Study of the Turkish Translation of Invented Names in Mervyn Peake’s Gormenghast Triology // Names. – 2022. – T. 70, № 2. – P. 1–10. – DOI: 10.5195/names.2022.2326.
6. Стршелец К. Střelec K. K onymickému systému současných dystopií (na příkladu francouzské a české literatury) // Onomastica. – 2023. – T. 67. – P. 273–283. – DOI: 10.17651/ONOMAST.67.16.

7. Темиргазина З. Антропонимы в поэзии Павла Васильева – от идентифицирующей функции до художественно-стилистической // Onomastica. – 2023. – Т. 67. – С. 239–257. – DOI: 10.17651/ONOMAST.67.14.
8. Шыхлы И. Seçilmiş əsərləri: в 2 т. Т. 1. – Bakı: Şərq-Qərb, 2005. – 408 с.
9. Элатлы Э. Pəncərədə görünən kölgə. – Bakı: MBM. – 2009. – 160 P.
10. Ahmadova S. İsmayıl Şıxlının bədii dilinə leksikoqrafik yanaşma // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. – 2022. – № 54. – P. 69–91. – DOI: 10.24155/tdk.2022.207.
11. Anderson A.W. Planting Seeds in Literary Narrative: Onomastic Concepts and Questions in Yangsook Choi's The Name Jar // Names. – 2022. – T. 70, № 4. – P. 5–17. – DOI: 10.5195/names.2022.2467.
12. Behrens S.J. Naming to Survive in the Face of Powerlessness: Four Case Studies from Fiction for Young Readers // Names. – 2025. – T. 73, № 4. – P. 53–62. – DOI: 10.5195/names.2025.2759.
13. Chaphole S., Thetso M. Understanding character naming in Khaketla's Mosali a Nkhola: a literary onomastic analysis // South African Journal of African Languages. – 2024. – T. 43. – P. 386–391. – DOI: 10.1080/02572117.2024.2322316.
14. Fiorin G., Delfitto D. A contextual theory of fictional names // Intercultural Pragmatics. – 2024. – T. 21, № 3. – P. 349–377. – DOI: 10.1515/ip-2024-3003.
15. Gibka M. A comparative analysis of functions served by characters' proper names in Terry Pratchett's "The Fifth Elephant" and its Polish translation // Onomastica. – 2024. – T. 68. – P. 285–300. – DOI: 10.17651/ONOMAST.68.17.
16. O'Neill H. Names as Poetic Terms of Art: A Sustained Close Reading of Derek Walcott's "Sainte Lucie" // Names. – 2025. – T. 73, № 4. – P. 1–8. – DOI: 10.5195/names.2025.2830.
17. Rejter A. Naming strategies and the worlds of Olga Tokarczuk's fiction // Ruch Literacki. – 2022. – № 3 (372). – P. 409–427. – DOI: 10.24425/rl.2022.140976.
18. Thomas C.A., Samjose B. "My Name Is…": Picturebooks Exploring Linguistically and Culturally Diverse Names // Names. – 2022. – T. 70, № 4. – P. 18–30. – DOI: 10.5195/names.2022.2468.
19. Енисей А. Tarix və tale. – Bakı: TEAS Press. – 2019. – 400 P.

References

1. Yolchuyev V. (Varis). Bir ovuc torpaq [A Handful of Earth]. (In Azerbaijani). – Baku: Vektor Nəşrlər Evi, 2009. – 318 P.
2. Zając-Haduch K. Przezwisko jako kategoria antroponimiczna w opowiadaniach Szukszyna [Nickname as an Anthroponymic Category in Shukshin's Short Stories]. Onomastica. 2025. Vol. 69. P. 93–109. DOI: 10.17651/ONOMAST.69.6. (In Polish).
3. Masud A. Yazı [Writing]. (In Azerbaijani). – Baku: Qanun, 2005. – 432 P.
4. Mehraliyev E. Doxsanıncı illər [The Nineties]. (In Azerbaijani). – Baku: Nurlan, 2004. – 232 P.

5. Sarmaşık N. Translating Character Names in Fantasy Literature: A Study of the Turkish Translation of Invented Names in Mervyn Peake's Gormenghast Triology. Names. 2022. Vol. 70, No. 2. P. 1–10. DOI: 10.5195/names.2022.2326.
6. Střelec K. K onymickému systému současných dystopií (na příkladu francouzské a české literatury) [On the Onymic System of Contemporary Dystopias (Using the Example of French and Czech Literature)]. Onomastica. 2023. Vol. 67. P. 273–283. DOI: 10.17651/ONOMAST. 67.16. (In Czech).
7. Temirgazina Z. Antroponimy v poezii Pavla Vasil'eva – ot identifitsiruyushchei funktsii do khudozhestvenno-stilisticheskoi [Anthroponyms in Pavel Vasilyev's Poetry: From Identifying Function to Artistic-Stylistic Function]. Onomastica. 2023. Vol. 67. P. 239–257. DOI: 10.17651/ ONOMAST.67.14. (In Russian).
8. Shikhli I. Seçilmiş əsərləri [Selected Works]. In 2 vols. Vol. 1. Baku: Şərq-Qərb, 2005. 408 P. (In Azerbaijani).
9. Elatli E. Pəncərədə görünən kölgə [The Shadow Visible in the Window]. (In Azerbaijani). – Baku: MBM, 2009. – 160 P.
10. Ahmadova S. İsmayıl Şıxlının bədii dilinə leksikoqrafik yanaşma // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. – 2022. – No. 54. – P. 69–91. – DOI: 10.24155/tdk.2022.207.
11. Anderson A.W. Planting Seeds in Literary Narrative: Onomastic Concepts and Questions in Yangsook Choi's The Name Jar // Names. – 2022. – Vol. 70, No. 4. – P. 5–17. – DOI: 10.5195/ names.2022.2467.
12. Behrens S.J. Naming to Survive in the Face of Powerlessness: Four Case Studies from Fiction for Young Readers // Names. – 2025. – Vol. 73, No. 4. – P. 53–62. – DOI: 10.5195/names. 2025.2759.
13. Chaphole S., Thetso M. Understanding character naming in Khaketla's Mosali a Nkhola: a literary onomastic analysis // South African Journal of African Languages. – 2024. – Vol. 43. – P. 386–391. – DOI: 10.1080/02572117.2024.2322316.
14. Fiorin G., Delfitto D. A contextual theory of fictional names // Intercultural Pragmatics. – 2024. – Vol. 21, No. 3. – P. 349–377. – DOI: 10.1515/ip-2024-3003.
15. Gibka M. A comparative analysis of functions served by characters' proper names in Terry Pratchett's "The Fifth Elephant" and its Polish translation // Onomastica. – 2024. – Vol. 68. – P. 285–300. – DOI: 10.17651/ONOMAST.68.17.
16. O'Neill H. Names as Poetic Terms of Art: A Sustained Close Reading of Derek Walcott's "Sainte Lucie" // Names. – 2025. – Vol. 73, No. 4. – P. 1–8. – DOI: 10.5195/names.2025.2830.
17. Rejter A. Naming strategies and the worlds of Olga Tokarczuk's fiction // Ruch Literacki. – 2022. – No. 3 (372). – P. 409–427. – DOI: 10.24425/rl.2022.140976.
18. Thomas C.A., Samjose B. "My Name Is…": Picturebooks Exploring Linguistically and Culturally Diverse Names // Names. – 2022. – Vol. 70, No. 4. – P. 18–30. – DOI: 10.5195/ names.2022.2468.
19. Yenisey A. Tarix və tale [History and Fate]. (In Azerbaijani). – Baku: TEAS Press, 2019. – 400 P.

Статья поступила в редакцию: 03.11.2026
Статья принята к публикации: 11.11.2026
Статья опубликована: 21.11.2026

УДК 372.881.111

Интеграция искусственного интеллекта и цифровых технологий в преподавание английского языка: возможности, проблемы и педагогические последствия

Рахила Аббасбейли Ханлар
педагог Бакинская музыкальная академия имени Узеира Гаджибейли
Азербайджанская Республика, г. Баку
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-5060-3328
E-mail: rahilaabbasbayli@gmail.com

Integrating artificial intelligence and digital technologies into English language teaching: opportunities, challenges, and pedagogical implications

Rahila Abbasbeyli Xanlar
teacher
Baku Music Academy named after Uzeyir Hajibeyli
Republic of Azerbaijan, Baku

Аннотация

В статье рассматриваются педагогические возможности и ограничения применения генеративного искусственного интеллекта и цифровых технологий в преподавании английского языка. Цель работы — предложить основанную на анализе научной литературы концептуальную основу ответственной интеграции таких инструментов в языковое обучение. Методологическую основу составляет концептуальный обзор исследований по интеграции образовательных технологий, обратной связи, грамотности в области искусственного интеллекта и недавних систематических обзоров генеративного ИИ в языковом образовании. Анализ сгруппирован по следующим темам: разговорная практика и письменная речь; персонализация и обратная связь; роль преподавателя; достоверность и предвзятость автоматически сгенерированного содержания; конфиденциальность данных, доступность и академическая честность. Рассмотренные обзоры указывают на быстрый рост исследований, однако эмпирическая база пока преимущественно связана с высшим образованием и письмом; сохраняется потребность в более длительных исследованиях и в изучении других языковых навыков и возрастных групп. В качестве практического результата предложены семь принципов интеграции: определение учебного результата, обоснованный выбор инструмента, прозрачные правила использования, активная проверка сгенерированного материала, сохранение человеческого взаимодействия, оценивание процесса обучения и

Библиографическое описание: Рахила А.Х. Интеграция искусственного интеллекта и цифровых технологий в преподавание английского языка: возможности, проблемы и педагогические последствия // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23697

регулярный пересмотр практики. Статья не представляет результаты оригинального эксперимента; ее практическая значимость состоит в предоставлении преподавателям и образовательным организациям структуры для критического, этичного и педагогически оправданного применения ИИ.

Abstract

This article examines the pedagogical opportunities and limitations of generative artificial intelligence and digital technologies in English language teaching. Its aim is to propose a literature-informed conceptual framework for the responsible integration of these tools into language learning. The methodology is a conceptual review drawing on scholarship on educational technology integration, feedback, AI literacy, and recent systematic reviews of generative AI in language education. The discussion is organized around speaking and writing practice, personalization and feedback, teacher agency, the reliability and bias of generated content, data privacy, equitable access, and academic integrity. The reviews considered indicate rapid growth in research, while the empirical evidence remains concentrated largely in higher education and writing; longer-term studies and research on other language skills and age groups are still needed. As a practical outcome, the article proposes seven principles for integration: define the learning outcome, select tools purposefully, establish transparent use rules, require active verification of generated material, preserve human interaction, assess the learning process, and review practice regularly. The article does not report original experimental findings. Its practical value lies in offering teachers and educational institutions a framework for critical, ethical, and pedagogically justified use of AI.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, преподавание английского языка, цифровые технологии, обратная связь, грамотность в области ИИ, академическая честность, педагогическая интеграция.

Keywords: generative artificial intelligence, English language teaching, digital technologies, feedback, AI literacy, academic integrity, pedagogical integration.

1. Введение

Цифровые технологии давно используются в языковом образовании, а генеративный искусственный интеллект (GenAI) позволяет моделировать диалоги, объяснять языковые явления и предлагать варианты редактирования текста. Вместе с тем эти возможности сопровождаются вопросами точности, авторства, конфиденциальности, равного доступа и роли преподавателя [2–4; 7; 10].

Недавние обзоры отмечают быстрый рост исследований GenAI в языковом обучении, однако большинство работ посвящено высшему образованию и письму. Сохраняется потребность в долгосрочных исследованиях и изучении других языковых навыков и возрастных групп [4; 6]. Поэтому ИИ следует рассматривать не как самоцель, а как инструмент, эффективность которого зависит от учебной задачи.

2. Материалы и методы

Цель статьи — предложить основанную на научной литературе концептуальную основу ответственной интеграции ИИ и цифровых технологий в преподавание английского языка. Рассматриваются возможности языковой практики, ограничения обратной связи, этические риски и принципы внедрения технологий.

Работа представляет собой концептуальный обзор, опирающийся на исследования обратной связи [1], технологических и педагогических знаний учителя [8], грамотности в области ИИ [7], рекомендации ЮНЕСКО [9] и современные обзоры применения GenAI в языковом образовании [4; 5; 6]. Новые эмпирические данные не собирались; статья не является систематическим обзором.

3. Результаты и обсуждение

Разговорные системы позволяют репетировать повседневные диалоги и повторять речевые модели, но не воспроизводят полностью спонтанность и социальные нюансы общения. Поэтому такую практику следует дополнять парной работой и ролевыми играми [3; 4].

При письме ИИ может объяснять грамматические решения, предлагать формулировки и помогать структурировать текст. Польза возникает, когда учащиеся критически оценивают рекомендации; бездумное принятие готового текста снижает самостоятельную практику. Сгенерированные упражнения и диалоги необходимо проверять на точность, естественность, уровень сложности и культурную уместность [4; 6; 9].

Обратная связь полезна, когда проясняет цель, качество выполненной работы и дальнейшие шаги [1]. Учащиеся могут сравнивать исходный и исправленный варианты и проверять предложения по надежным источникам, поскольку ответы ИИ бывают убедительными, но неточными, а ссылки могут оказаться несуществующими [8; 9].

3.1. Роль преподавателя и этические вопросы

Эффективная интеграция технологий требует сочетания предметных, педагогических и технологических знаний [8]. Инструмент следует выбирать исходя из цели: для развития навыков взаимодействия может быть полезнее общение учащихся друг с другом, тогда как при редактировании текста ИИ может служить дополнительным источником обратной связи.

До начала использования необходимо установить понятные правила: какая помощь разрешена, как раскрывать использование ИИ и какие части задания выполняются самостоятельно. Не следует вводить в открытые системы персональные или конфиденциальные данные; сгенерированный материал нужно проверять на ошибки и предвзятость [9].

Доступ к устройствам, интернету и платным инструментам неодинаков, поэтому при необходимости следует предлагать равноценные альтернативы. Для поддержки академической честности полезно оценивать не только конечный текст, но и черновики, работу в аудитории и способность учащегося объяснить свои решения.

3.2. Практические принципы интеграции

Ответственное применение ИИ можно организовать на основе семи принципов: определить языковую цель; выбирать инструмент при наличии педагогической пользы; заранее объяснять правила; требовать проверки сгенерированного материала; сохранять взаимодействие с преподавателем и сверстниками; оценивать процесс наряду с результатом; регулярно пересматривать практику с учетом точности, доступности и соответствия учебной цели.

Эта схема представляет собой практическую концепцию, а не экспериментально проверенную методику. Её следует адаптировать к возрасту и уровню учащихся, правилам учреждения и доступным ресурсам.

4. Заключение

ИИ и цифровые технологии могут расширить возможности языковой практики и обратной связи, но их ценность зависит от ясных целей, критической проверки, справедливого доступа и руководства преподавателя. Долгосрочные результаты и влияние на навыки, отличные от письма, требуют дальнейшего изучения [4; 6].

ИИ должен дополнять, а не заменять самостоятельную работу учащихся и профессиональное суждение учителя. Его следует применять там, где он действительно поддерживает изучение языка, сохраняя человеческий контроль в вопросах точности, справедливости и контекста.

Список литературы

1. Hattie J., Timperley H. The Power of Feedback // Review of Educational Research. – 2007. – T. 77, № 1. – P. 81–112. – DOI: 10.3102/003465430298487.
2. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning. – Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019. – 228 P.
3. Kasneci E., Sessler K., Küchemann S., Bannert M., Dementieva D., Fischer F., Gasser U., Groh G., Günnemann S., Hüllermeier E., Krusche S., Kutyniok G., Michaeli T., Nerdel C., Pfeffer J., Poquet O., Sailer M., Schmidt A., Seidel T., Stadler M., Weller J., Kuhn J., Kasneci G. ChatGPT for Good? On Opportunities and Challenges of Large Language Models for Education // Learning and Individual Differences. – 2023. – T. 103. – Art. 102274. – DOI: 10.1016/j.lindif.2023.102274.
4. Kohnke L., Moorhouse B.L., Zou D. ChatGPT for Language Teaching and Learning // RELC Journal. – 2023. – T. 54, № 2. – P. 537–550. – DOI: 10.1177/00336882231162868.
5. Lee S., Choe H., Zou D., Jeon J. Generative AI (GenAI) in the Language Classroom: A Systematic Review // Interactive Learning Environments. – 2025. – P. 335–359. – DOI: 10.1080/10494820.2025.2498537.
6. Li B., Tan Y.L., Wang C., Lowell V. Two Years of Innovation: A Systematic Review of Empirical Generative AI Research in Language Learning and Teaching // Computers and Education: Artificial Intelligence. – 2025. – T. 9. – Art. 100445. – DOI: 10.1016/j.caeai.2025.100445.

7. Long D., Magerko B. What Is AI Literacy? Competencies and Design Considerations // Proceedings of the. – 2020. – P. 1–16. – DOI: 10.1145/3313831.3376727.
8. Mishra P., Koehler M.J. Technological Pedagogical Content Knowledge: A Framework for Teacher Knowledge // Teachers College Record. – 2006. – T. 108, № 6. – P. 1017–1054. – DOI: 10.1111/j.1467–9620.2006.00684.x.
9. Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. – Paris: UNESCO, 2023. – 44 P. – DOI: 10.54675/EWZM9535.
10. Zawacki-Richter O., Marín V.I., Bond M., Gouverneur F. Systematic Review of Research on Artificial Intelligence Applications in Higher Education – Where Are the Educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2019. – T. 16, № 1. – P. 1–27. – DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.

ЛИТЕРАТУРА И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Статья поступила в редакцию: 08.11.2026
Статья принята к публикации: 14.11.2026
Статья опубликована: 21.11.2026

УДК 821.161.1

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.149.11.23726

Основные мотивы лирики Ф. И. Тютчева: природа, родина и любовь

Ужахова Роза Керимовна
канд. филол. наук, проф.
кафедры русской и зарубежной литературы, Ингушский государственный университет
Российская Федерация, г. Магас
E-mail: ol.y.80@mail.ru

Major motifs in F.I. Tyutchev's lyric poetry: nature, homeland and love

Uzhakhova Roza Kerimovna
candidate of Philological Sciences, Professor
Department of Russian and Foreign Literature, Ingush State University
Russia, Magas

Аннотация

Цель статьи - рассмотреть основные мотивы лирики Ф.И. Тютчева и охарактеризовать связь пейзажных образов, размышлений о родине и любовных переживаний с философской проблематикой его поэзии. Материалом служат стихотворения разных периодов творчества, выбранные для рассмотрения: «На новый 1816 год», «14-е декабря 1825», «Эти бедные селенья…», «Весна», «Весенняя гроза», «Русской женщине», «О чем ты воешь, ветр ночной?..», «Не то, что мните вы, природа…», «К.Б.», «Еще томлюсь тоской желаний…», «О, как убийственно мы любим…» и «Последняя любовь». Рассмотрение строится на последовательном чтении поэтических текстов и характеристике их образов и мотивов. Основное внимание уделяется олицетворению природы, сопоставлению природной и человеческой жизни, мотивам памяти, страдания и обновления. В статье прослеживаются одушевленность природного мира, его связь с внутренней жизнью человека, религиозная образность в изображении родины и трагическая двойственность любовного чувства.

Библиографическое описание: Ужахова Р.К. Основные мотивы лирики Ф. И. Тютчева: природа, родина и любовь // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23726

Показано, что переживание красоты в рассматриваемых произведениях сочетается с осознанием противоречий человеческого существования. Материалы статьи могут использоваться при изучении русской лирики XIX века в вузовских курсах истории литературы. Представленное рассмотрение ограничено выбранными стихотворениями и не претендует на исчерпывающее описание поэтической системы Тютчева.

Abstract

The article aims to examine the major motifs in F.I. Tyutchev's lyric poetry and to describe how landscape imagery, reflections on the homeland and experiences of love relate to its philosophical concerns. The material comprises poems from different periods selected for discussion: "For the New Year 1816," "December 14, 1825," "These Poor Villages," "Spring," "Spring Thunderstorm," "To a Russian Woman," "What Are You Howling About, Night Wind?," "Nature Is Not What You Imagine," "K.B.," "Still Tormented by the Longing of Desire," "Oh, How Destructively We Love" and "Last Love." The discussion proceeds through successive readings of the poems and descriptions of their imagery and motifs. Particular attention is paid to the personification of nature, comparisons between natural and human life, and the motifs of memory, suffering and renewal. The article traces the animation of the natural world, its relationship with human inner life, religious imagery in representations of the homeland and the tragic duality of love. The poems discussed combine the experience of beauty with an awareness of the contradictions of human existence. The material may be used in university courses on nineteenth-century Russian literature. The discussion is limited to the selected poems and does not claim to provide an exhaustive account of Tyutchev's poetic system.

Ключевые слова: Ф.И. Тютчев, философская лирика, пейзажная лирика, любовная лирика, образ родины, поэтика.

Keywords: F.I. Tyutchev, philosophical lyric poetry, landscape poetry, love poetry, image of the homeland, poetics.

Введение

Лирика Федора Ивановича Тютчева занимает значительное место в русской классической литературе. Ее философская глубина связана с вниманием к внутренней жизни человека, природе, любви и судьбе родины. Поэтический мир Тютчева раскрывается через взаимодействие этих тем, каждая из которых получает эмоциональное и образное воплощение.

В статье внимание сосредоточено на пейзажной, гражданской и любовной лирике поэта. Цель статьи — охарактеризовать основные мотивы этих произведений и показать связь изображения природы и человеческих переживаний с философскими размышлениями о жизни. Для достижения этой цели последовательно рассматриваются ранние стихотворные опыты, образы родины и природы, а затем мотивы памяти и любви.

Современные исследования предлагают различные подходы к пониманию этой проблематики. Г.В. Мосалева рассматривает поэтику Тютчева в связи с православной традицией, обращая внимание на религиозное содержание природных и любовных образов [2]. Л.О. Мысовских исследует трагизм женской судьбы в любовной лирике, привлекая

экзистенциальную интерпретацию вины и страдания [15]. Эти подходы позволяют обозначить религиозно-философский и психологический аспекты темы, но не снимают задачи последовательного чтения отдельных стихотворений.

Вклад настоящей работы состоит в систематизации материала по трем взаимосвязанным тематическим направлениям - природа, родина и любовь - и в сопоставлении мотивов обновления, памяти и страдания в выбранных произведениях. Работа не претендует на открытие новых биографических фактов или ранее неизвестных текстов; ее задача - историко-литературное обобщение и уточнение связей между рассмотренными мотивами.

Материалы и методы

Материал статьи составляют двенадцать стихотворений Ф.И. Тютчева, перечисленных в аннотации. В данной редакции стихотворные цитаты приведены по электронной публикации Русской виртуальной библиотеки, воспроизводящей «Полное собрание стихотворений» 1987 года. Рассматриваются образы природы, родины и любимой женщины, а также мотивы памяти, страдания и обновления. Последовательность изложения соответствует тематическим группам произведений, рассматриваемым в статье. Используется историко-биографический подход в сочетании с сопоставительным чтением стихотворений. Биографические сведения привлекаются как контекст творчества, а не как исчерпывающее объяснение поэтического смысла. Отбор произведений определяется представленностью в них трех названных тематических направлений и возможностью сопоставить различные состояния: обновление и равнодушие природы, возвращение чувства и переживание утраты, нежность и разрушительность страсти. Анализ последовательно включает характеристику образов и повторяющихся мотивов, рассмотрение языковых средств их выражения и сопоставление наблюдений по тематическим группам. Количественный анализ и реконструкция авторской правки не проводятся.

Результаты и обсуждение

Биографический контекст и ранние поэтические опыты

Становление Тютчева связано с московской литературной средой: в 1819–1821 годах он учился на словесном отделении Московского университета. С 1822 года началась его служба по ведомству иностранных дел, приведшая его в Мюнхен. В 1844 году поэт переселился в Петербург. Эти этапы биографии очерчивают длительное взаимодействие русского литературного опыта с европейской культурной средой [1].

Важными вехами литературной судьбы Тютчева стали публикация стихов в пушкинском «Современнике» в 1836 году и выход первого сборника в 1854 году. Н.Я. Берковский обращает внимание на несоответствие между ранним началом творчества и поздним широким признанием поэта [1]. Биографическая последовательность сама по себе не объясняет художественной эволюции: для этого необходимо обратиться к конкретным произведениям.

В раннем творчестве Тютчева заметно обращение к античной традиции. В статье этот этап рассматривается в связи с интересом поэта к латинской поэзии. Для рассмотрения раннего мировосприятия поэта показательно стихотворение «На новый 1816 год». Его начало соединяет образы небесного светила и смены годового круга; приведем первые четыре строки:

Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! — [8]

Уже в этом произведении природные и мифологические образы связаны с размышлением о времени и человеческой судьбе. Вместе с тем ранние стихотворные опыты следует отличать от зрелой философской лирики: отдельный пример не дает оснований считать поэтическую систему автора окончательно сложившейся.

Родина и историческое переживание

В стихотворении «14-е декабря 1825» историческое событие получает напряженное поэтическое осмысление. Отношение к восставшим раскрывается через сочетание образов Самовластья, Закона, крови и льда. В первой строфе звучит:

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил. [3]

Для характеристики этого произведения существенны и мотив самовластия, и оценка восстания как «мысли безрассудной». Поэтому содержащуюся в нем критику нельзя без дополнительных доказательств сводить к однозначному выражению политического свободолюбия. Природные образы - «вечный полюс», «громада льдов», «зима железная» - придают размышлению об историческом поражении зримую форму.

В стихотворении «Эти бедные селенья…» образ родины строится на соединении скудного пейзажа, народного долготерпения и христианской символики. Приведем заключительную строфу:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя. [14]

Религиозный смысл произведения раскрывается в заключительной строфе. Образ Царя небесного, прошедшего по родной земле, связывает внешнюю бедность с внутренним духовным содержанием. Слова «скудная природа» и «нагота […] смиренная» характеризуют видимый облик края; «тайно светит» указывает на то, что остается недоступным внешнему взгляду. Изображение родины соединяет сострадание с религиозным переживанием.

Природа и внутренний мир человека

Пейзажная лирика Тютчева передает многообразие природного мира и его стихийных сил. Гроза, ветер, горные вершины, лес, звезды и море становятся предметом эмоционального и философского осмысления. Природа изображается одушевленной: она дышит, звучит, обладает собственным языком. При этом ее связь с человеком не исключает различия между природной жизнью и человеческим переживанием.

В стихотворении «Весна» («Как ни гнетет рука судьбины…») мотив обновления возникает на фоне страдания, обмана и испытаний. Приведем первые четыре строки второй строфы:

Весна… Она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе. [5]

Весна предстает силой обновления, но ее бессмертие и равнодушие противопоставлены человеческой боли. Эпитет «блаженно-равнодушна» не позволяет понимать этот образ только как сочувственное отражение душевного состояния человека. Природная жизнь подчинена своим законам, тогда как человек хранит память об испытаниях и утрате.

Иное эмоциональное звучание получает весенний пейзаж в «Весенней грозе». Здесь преобладают движение, звучание и радость, ощутимые уже в первой строфе:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом. [4]

Гроза изображена через игру и молодость: первый гром «резвится», раскаты названы «молодыми». Звуки грома, птичий гам и шум потока образуют единую картину. В заключительной строфе природное явление получает мифологическое объяснение: дождь уподобляется содержимому кубка, пролитого Гебой. Таким образом, пейзажная зарисовка соединяет чувственную конкретность с поэтическим воображением.

Тревожная сторона природной стихии раскрывается в стихотворении «О чем ты воешь, ветр ночной?..». Здесь голос ветра становится понятным сердцу, но пробуждает ощущение непостижимого. Обращение к ветру открывается вопросами:

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно? [11]

В этом произведении внутренний мир человека соотнесен с хаосом и беспредельностью. Природный звук вызывает ответное движение души. Сочетание «понятным сердцу языком» и «непонятной муке» передает противоречие между непосредственным переживанием и невозможностью до конца объяснить его. Природа предстает источником не только гармонии, но и тревоги.

Представление об одушевленном природном мире получает прямое выражение в стихотворении «Не то, что мните вы, природа…». В первой строфе утверждается:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык… [9]

Позднее в том же произведении возникает образ людей, не способных увидеть и услышать жизнь природы. Их существование уподобляется жизни во тьме [9].

Для Тютчева восприятие природы связано со способностью видеть и слышать ее жизнь. Олицетворение становится способом выражения философского содержания. В рассмотренных стихотворениях пейзаж не служит лишь фоном: через него раскрываются отношения человека с миром, переживания радости, одиночества и страха перед непостижимым.

Женская судьба, память и любовь

В стихотворении «Русской женщине» изображается жизнь, лишенная полноты переживаний и возможностей духовного развития. Этот мотив задан уже в первых строках:

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы, […] [13]

Повтор «вдали» подчеркивает отдаленность героини от света, искусства, жизни и любви. Исчезновение облака дыма становится образом незаметно проходящей жизни. Социальный смысл стихотворения связан с ограниченностью жизненных возможностей женщины; вместе с тем конкретное объяснение этой судьбы крепостной зависимостью требует дополнительных историко-литературных доказательств.

В любовной лирике Тютчева значительное место занимает память. Обращение к прошлому способно вернуть полноту чувства. В стихотворении «К.Б.» встреча пробуждает переживания, казавшиеся угасшими. Об этом говорится в первой строфе:

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло… [7]

Образ поздней осени, в которую внезапно возвращается дыхание весны, связывает любовное чувство с природным обновлением. Воспоминание не ограничивается возвращением к прошлому: оно становится событием настоящего - «Тут жизнь заговорила вновь». Любовная и пейзажная образность оказываются тесно связаны.

Иное состояние памяти передано в стихотворении «Еще томлюсь тоской желаний…». Образ любимой сохраняется, но остается недостижимым. Первые четыре строки передают обращенность к воспоминанию:

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой… [6]

Повтор «еще» подчеркивает длительность чувства, а сравнение со звездой соединяет постоянство и недоступность любимого образа. Воспоминание сопровождается тоской: близость в сознании не устраняет переживания утраты. Таким образом, память в любовной лирике может быть источником и обновления, и страдания.

Биографический контекст поздней любовной лирики связан с отношениями Тютчева и Е.А. Денисьевой, продолжавшимися с 1850 по 1864 год. Эти отношения сопровождались общественным осуждением и тяжелыми переживаниями. При этом так называемый денисьевский цикл не является авторским сборником с установленным самим поэтом составом [1; 15]. Поэтому лирическое высказывание не следует безоговорочно отождествлять с документальным свидетельством о конкретном событии.

Трагическая двойственность любви выражена в стихотворении «О, как убийственно мы любим…». Начальная строфа формулирует мысль о разрушительных последствиях страсти:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей! [10]

Слово «убийственно» в начале произведения задает трагическое понимание чувства. Любовь, связанная с «буйной слепостью страстей», способна губить то, что человеку дороже всего. Внимание сосредоточено на страдании женщины, на изменении ее облика и внутреннего состояния. Эта противоречивость не позволяет характеризовать любовную лирику Тютчева только как утверждение счастья и гармонии.

В «Последней любви» чувство соединяет нежность с сознанием близости завершения жизни. В заключительной строфе это противоречие получает прямое выражение:

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность…
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность. [12]

Образы вечерней зари и наступающей тени связывают любовное переживание с ощущением времени. Повторы «сияй», «помедли», «продлись» передают желание удержать краткий миг. Итоговое сочетание «блаженство» и «безнадежность» выражает двойственность последней любви. Красота чувства сохраняется вопреки сознанию его непрочности.

Наблюдения над любовной лирикой соотносятся с интерпретацией Л.О. Мысовских, акцентирующего вину, страдание и трагическую судьбу женщины [15]. Однако сопоставление выбранных здесь стихотворений показывает необходимость различать разрушительное действие страсти и возобновление жизни в памяти. Религиозное прочтение поэтики Тютчева, предложенное Г.В. Мосалевой, существенно для понимания образа родины и нравственного содержания чувства [2]. В рамках настоящей статьи внимание сосредоточено на тематических связях между этими сторонами поэтического мира, а не на построении единой религиозной или экзистенциальной концепции.

Заключение

В рассмотренных произведениях Тютчева темы природы, родины и любви связаны с философским осмыслением человеческого существования. Природа выступает одушевленным миром, способным вызывать радость, тревогу и размышление о пределах человеческого опыта. Ее обновление может перекликаться с душевной жизнью человека или оттенять ее противоречия.

Изображение родины соединяет историческое переживание, сострадание и религиозную символику. Любовная лирика раскрывает память как источник возвращения к жизни и как переживание недостижимой близости. Нежность и красота чувства соседствуют с сознанием утраты, страдания и конечности. Эти наблюдения относятся к выбранным стихотворениям и не исчерпывают многообразия поэтического наследия Тютчева.

Список литературы

1. Берковский Н.Я.Ф.И. Тютчев: вступительная статья [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/article/berkovskij.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
2. Мосалева Г.В. Атрибутивные свойства поэтики Ф.И. Тютчева // Проблемы исторической поэтики. – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 119–138. – DOI: 10.15393/j9.art.2024.13482.
3. Тютчев Ф.И. 14-е декабря 1825 [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/029.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
4. Тютчев Ф.И. Весенняя гроза [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/036.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
5. Тютчев Ф.И. Весна («Как ни гнетет рука судьбины…») [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/132.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
6. Тютчев Ф.И. «Еще томлюсь тоской желаний…» [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/144.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
7. Тютчев Ф.И.К. Б. («Я встретил вас – и всё былое…») [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/335.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
8. Тютчев Ф.И. На новый 1816 год [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/001.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
9. Тютчев Ф.И. «Не то, что мните вы, природа…» [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/121.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)

10. Тютчев Ф.И. «О, как убийственно мы любим…» [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/187.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
11. Тютчев Ф.И. «О чем ты воешь, ветр ночной?.» [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/094.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
12. Тютчев Ф.И. Последняя любовь [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/204.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
13. Тютчев Ф.И. Русской женщине [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/147.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
14. Тютчев Ф.И. «Эти бедные селенья…» [Электронный ресурс]. // Русская виртуальная библиотекаобращения: 08.11.2026). – 2026. URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/213.html(дата. (дата обращения 20.11.2026)
15. Mysovskikh L.O. Fyodor Tyutchev’s Love Lyrics: Existential Problems of a Russian Woman’s Life // Libri Magistri. – 2026. – № 2 (24). – P. 11–19. URL: https://lm.magtu.ru/doc/2023/2/11–19.pdf(дата.

References

1. Berkovskiy N.Ya. [F.I. Tyutchev: Introductory Essay] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/article/berkovskij.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
2. Mosaleva G.V. [Attributive Features of F.I. Tyutchev’s Poetics] // Problemy istoricheskoy poetiki. – 2024. – Vol. 22, No. 1. – P. 119–138. – DOI: 10.15393/j9.art.2024.13482. (In Russ.).
3. Tyutchev F.I. [December 14, 1825] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/029.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
4. Tyutchev F.I. [Spring Thunderstorm] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/036.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
5. Tyutchev F.I. [Spring (However the Hand of Fate May Oppress)] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/132.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
6. Tyutchev F.I. [Still Tormented by the Longing of Desire] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/144.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
7. Tyutchev F.I. [K.B. (I Met You, and All the Past)] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/335.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).

8. Tyutchev F.I. [For the New Year 1816] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/001.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
9. Tyutchev F.I. [Nature Is Not What You Imagine] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/121.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
10. Tyutchev F.I. [Oh, How Destructively We Love] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/187.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
11. Tyutchev F.I. [What Are You Howling About, Night Wind?] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/094.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
12. Tyutchev F.I. [Last Love] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/204.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
13. Tyutchev F.I. [To a Russian Woman] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/147.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
14. Tyutchev F.I. [These Poor Villages] [Электронный ресурс]. // Russkaya virtualnaya biblioteka. – URL: https://rvb.ru/19vek/tyutchev/bp/poems/213.html (accessed: 08.11.2026). (In Russ.).
15. Mysovskikh L.O. Fyodor Tyutchev’s Love Lyrics: Existential Problems of a Russian Woman’s Life // Libri Magistri. – 2023. – No. 2 (24). – P. 11–19. – URL: https://lm.magtu.ru/doc/2023/2/11–19.pdf (accessed: 08.11.2026).

Статья поступила в редакцию: 24.10.2026
Статья принята к публикации: 11.11.2026
Статья опубликована: 21.11.2026

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.149.11.23691

Эпистолярное наследие А.А. Ахматовой как зеркало эволюции её художественных взглядов: от «аграфии» к «затексту»

Эркина Арина Алексеевна
магистрант
Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, г. Москва
E-mail: arinaerkina2004@mail.ru

Akhmatova’s epistolary legacy as a mirror of the evolution of her artistic views: from “agraphia” to “zatekst”

Erkina Arina Alekseevna
master's student
Moscow Pedagogical State University
Russian Federation, Moscow

Аннотация

В статье рассматривается изменение функций письма и автодокументальной записи в творческом наследии Анны Ахматовой. Цель исследования – определить, каким образом эпистолярные стратегии поэта соотносятся с историческими условиями коммуникации, становлением позднего исторического самосознания. Материал исследования составляют опубликованные письма к Николаю Харджиеву, переписка с Марией Петровых, исследования записных книжек Ахматовой. Применяются историко-литературный, сравнительно-типологический, контекстуальный методы, элементы источниковедческого анализа. Разграничиваются сведения первичных документов, интерпретации публикаторов, исследовательские предположения. Установлено, что лаконизм ахматовского письма связан с адресатностью, бытовой прагматикой сообщения, устойчивыми особенностями поэтики. Понятие «аграфия» используется для характеристики затруднённого отношения к письменной фиксации, но не отождествляется с шифрованием корреспонденции. Показано, что поздние записи расширяют коммуникативную перспективу личного документа, включая его в пространство литературной памяти, авторского самокомментирования. Их взаимосвязь с письмами, автобиографической прозой рассматривается через понятие авторского затекста.

Библиографическое описание: Эркина А.А. Эпистолярное наследие А.А. Ахматовой как зеркало эволюции её художественных взглядов: от «аграфии» к «затексту» // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23691

Практическая значимость исследования заключается в уточнении принципов интерпретации эпистолярных источников, позволяющих учитывать исторический контекст, жанровую специфику, неполноту сохранившегося корпуса.

Abstract

The article examines the changing functions of correspondence and autobiographical writing in Anna Akhmatova's literary legacy. Its purpose is to determine how her epistolary strategies relate to the historical conditions of communication and the development of her later historical self-awareness. The study draws on published letters to Nikolai Khardzhiev, correspondence with Maria Petrovykh, and scholarly investigations of Akhmatova's notebooks. Historical-literary, comparative, and contextual methods are combined with elements of source criticism. Evidence contained in primary documents is distinguished from editorial interpretations and research hypotheses. The analysis suggests that the brevity of Akhmatova's letters cannot be explained solely by political surveillance: it also reflects their addressee-oriented character, practical purposes, and enduring poetic principles. "Agraphia" describes a conflicted relationship with written recording rather than an established system of encrypted communication. The later notes extend the communicative scope of personal documents by incorporating them into literary memory and authorial self-commentary. Their relationship with letters and autobiographical prose is examined through the concept of authorial "zatekst," understood as an interconnected field of texts surrounding literary works. The study offers methodological guidance for interpreting epistolary sources while acknowledging their historical context, genre-specific features, and incomplete preservation.

Ключевые слова: А.А. Ахматова, эпистолярное наследие, аграфия, затекст, записные книжки, авторефлексия, литературная память.

Keywords: Anna Akhmatova, epistolary legacy, agraphia, zatekst, notebooks, self-reflection, literary memory.

Введение

Эпистолярное наследие Анны Ахматовой представляет интерес как источник биографических сведений, материал для изучения способов авторского самовыражения. Письмо фиксирует отношения между участниками литературной жизни, практики повседневного общения, особенности восприятия исторической действительности. Его документальность не означает непосредственного воспроизведения авторского сознания, так как содержание сообщения зависит от адресата, обстоятельств создания, предполагаемого способа передачи. Такой подход соответствует предложенному Л. Стэнли рассмотрению корреспонденции как взаимосвязанного коммуникативного пространства [12, с. 201-235].

Изучение ахматовских писем осложняется неравномерностью сохранности источников. В.А. Черных связывает утрату значительной части рукописного наследия с жизненными обстоятельствами поэта, обысками, угрозой ареста, уничтожением бумаг; в частности, по приведённому им свидетельству Ахматовой, уцелевшие после войны письма, рукописи были сожжены ею в ноябре 1949 года [9, с. 207-216]. Следовательно, отсутствие документов не может автоматически интерпретироваться как отсутствие письменной деятельности или же определённых художественных интересов.

Современные исследования предлагают рассматривать поздние записи Ахматовой в их связи с другими формами авторефлексии. А.М. Меньщикова анализирует письма, автобиографические наброски, записные книжки, «Прозу о Поэме» как взаимопроницаемые элементы авторского затекста [7, с. 69-89; 6, с. 57-68]. Р.Д. Тименчик показывает значение подробного комментария для восстановления литературного, биографического окружения записей [8, с. 128-151].

Цель настоящей статьи – выявить изменение функций письма, автодокументальной записи в наследии Ахматовой, уточнив соотношение коммуникативной осторожности, эстетического лаконизма, исторического самосознания. Для достижения данной цели рассматриваются особенности переписки с Н.И. Харджиевым и М.С. Петровых, разграничиваются понятия «аграфия» и «криптограмма», определяется значение поздних записей для формирования авторского затекста.

Материалы и методы

Основной материал исследования составляют публикация писем Ахматовой к Н.И. Харджиеву, подготовленная Э.Г. Бабаевым, переписка Ахматовой с М.С. Петровых, опубликованная с исследовательским комментарием О.Е. Рубинчик, при участии А.И. Головкиной [1, с. 214-247; 2, с. 85-118]. Первая публикация характеризует корпус из 26 сохранившихся писем к Харджиеву; публикация переписки с Петровых объединяет 20 известных документов обеих корреспонденток, включая письма, телеграммы.

Для интерпретации позднего периода привлекаются издание «Записных книжек Анны Ахматовой (1958–1966)», исследования их структуры, историко-литературного контекста и связей с незавершёнными замыслами [3, с. 523-533; 4; 7, с. 69-89; 6, с. 57-68; 8, с. 128-151]. Предисловие М.А. Кузмина к сборнику «Вечер» используется как источник ранней критической рецепции ахматовской поэтики, но не включается в эпистолярный корпус: его жанровая природа отличается от частного письма [5, с. 5-10].

Историко-литературный метод позволяет соотнести особенности письменного поведения с обстоятельствами литературной, общественной жизни. Контекстуальный анализ предполагает сопоставление текста письма с примечаниями публикаторов, идентификацию упомянутых лиц и разграничение дат создания, отправления, последующей публикации документа. Сравнительно-типологический подход применяется для выявления различий между адресованным сообщением и записью, первоначально предназначенной для собственного употребления.

Методологическое значение имеет различение индивидуального воспоминания, его включения в культурную память. Концепция Я. Ассмана позволяет поставить вопрос о том, каким образом личное свидетельство приобретает значение для последующего коллективного осмысления прошлого [10, с. 125-133]. Исторический контекст, рассматриваемый в исследованиях ахматовской биографии, выступает условием интерпретации, но не универсальным объяснением каждого языкового сокращения или же умолчания [11, с. 105-125].

Порядок анализа включает определение жанра документа, его адресата, выделение эпизодов сокращённой или непрямой передачи информации, сопоставление данных эпизодов с комментарием публикации, оценку допустимых интерпретаций. Сведения о количестве

документов, их датировке принимаются в пределах, установленных соответствующей научной публикацией. Выводы о мотивах письменного поведения формулируются как интерпретации, если они непосредственно не подтверждены источником.

Исследование имеет качественный характер; оно не предполагает статистических выводов о частотности эпистолярных приёмов во всём наследии Ахматовой. Основное ограничение связано с неполнотой источников, необходимостью учитывать редакторское посредничество при работе с опубликованными документами.

Результаты и обсуждение

Анализ позволяет уточнить содержание понятия «аграфия». В ахматоведческом контексте оно характеризует затруднённое отношение к письменной фиксации, исторически усиливавшееся необходимостью осторожного обращения с рукописями. В.А. Черных связывает постепенное преодоление данной установки с изменением обстоятельств жизни Ахматовой после середины 1950-х годов [9, с. 207-216]. Поэтому «аграфию» некорректно определять исключительно как конспиративную лаконичность или же сознательное шифрование письма.

Необходимо различать по меньшей мере три явления: нежелание оставлять письменные свидетельства, сокращённость отдельного сообщения, намеренное сокрытие информации от постороннего читателя. Они могут сочетаться, но не тождественны друг другу. Краткость письма сама по себе не доказывает наличия шифра, поскольку может определяться общностью опыта корреспондентов, отсутствием необходимости подробно излагать известные адресату обстоятельства.

Переписка с Харджиевым особенно показательна для такого разграничения. Вступительная статья Э.Г. Бабаева подчёркивает немногословность писем, их связь с конкретным поводом; одновременно публикатор обращает внимание на узнаваемую интонацию, художественную значимость данной прозы [1, с. 214-247]. Следовательно, бытовая прагматика сообщения не исключает его эстетического содержания.

В письмах начала 1930-х годов обсуждаются поездки, здоровье, книги, работа, материальные затруднения, судьбы общих знакомых [1, с. 214-247]. Включение тем в один текст создаёт плотную коммуникативную среду, в которой краткое упоминание может отсылать к обстоятельствам, подробно известным адресату. Письмо в таком случае организуется в расчёте на общую память корреспондентов.

Характерный пример связан с упоминанием М.М. Никитина в письме лета 1933 года. Комментарий к публикации раскрывает инициалы, сообщает, что литературовед Михаил Матвеевич Никитин в 1933-1936 годах находился в лагере в Коми [1, с. 214-247]. Сокращённое обозначение имени допускает интерпретацию как проявление осторожности, но имеющихся данных недостаточно для утверждения, что оно гарантированно скрывало личность упомянутого человека от возможного постороннего читателя.

Термин «криптограмма» применим к ахматовскому письму лишь как ограниченная аналитическая метафора. Он обозначает необходимость контекстуального прочтения, но не устанавливает существование единой системы кодирования. Более точным представляется описание эпистолярной стратегии через соотношение названного, подразумеваемого, оставленного за пределами сообщения.

Эстетические предпосылки такой организации смысла обнаруживаются уже в раннем восприятии поэзии Ахматовой. М.А. Кузмин в предисловии к «Вечеру» обращает внимание на способность предметной детали передавать эмоциональное содержание переживания [5, с. 5-10]. Но критическое предисловие не следует определять как «письмо-рекомендацию» без жанровой оговорки: публичное представление нового автора, частное эпистолярное общение обладают различными коммуникативными задачами.

Сопоставление ранней критической рецепции с поздней корреспонденцией позволяет выдвинуть предположение о преемственности принципа смысловой концентрации. В поэтическом произведении, письме отдельная деталь может обладать большей значимостью, чем её непосредственное предметное содержание; сходство приёмов не означает жанрового тождества, практическое сообщение сохраняет собственную адресатность, ситуативность.

Переписка с Марией Петровых уточняет представление о масштабах, характере эпистолярного общения. В публикации 2022 года представлены пять писем и пять телеграмм Ахматовой, два письма, восемь телеграмм Петровых [2, с. 85-86]. Поэтому формулировка о двадцати сохранившихся письмах Ахматовой к Петровых была бы фактически неверной.

Публикаторы отмечают существование сведений о дополнительных, пока не выявленных письмах; упоминание документа в записной книжке не всегда позволяет установить, был ли он действительно отправлен [2, с. 85-86]. Данное обстоятельство требует различать замысел сообщения, его письменную подготовку, отправление, сохранность. История переписки в результате предстаёт как последовательность коммуникативных действий, лишь часть которых доступна исследователю в виде законченных документов.

Сопоставление писем двух адресатных комплексов не позволяет представить эволюцию ахматовского письменного поведения как простую смену полного молчания открытым высказыванием. Продолжение переписки, различная степень подробности сообщений свидетельствуют о более сложном взаимодействии личной потребности в общении, ограничивающих обстоятельств [1, с. 214-247; 2, с. 85-118]. В каждом случае необходимо учитывать отношения с конкретным адресатом, а не переносить характеристику одного документа на весь эпистолярий.

Поздние записные книжки изменяют перспективу письменной фиксации. Их содержание включает литературные наброски, мемуарные, дневниковые записи, сведения о современниках, практические пометы; исследования показывают, что разнородные материалы вступают в содержательные связи [3, с. 523-533; 4; 7, с. 69-89; 8, с. 128-151]. Поэтому записные книжки целесообразно рассматривать как вспомогательный архив поэта, пространство авторского самокомментирования.

Фрагментарность записей не даёт оснований автоматически объявлять каждую из них художественно завершённым элементом единой композиции. Исследователь должен различать обнаруживаемые смысловые связи, композиционные решения, непосредственно подтверждённые авторскими указаниями. В противном случае аналитическая реконструкция рискует подменить собой исторически существовавший документ.

Понятие авторского затекста позволяет описать взаимосвязь писем, автобиографической прозы, записных книжек, материалов, сопровождающих художественные произведения. В исследовании А.М. Меньщиковой данная взаимосвязь

определяется пересечениями тем, образов, сюжетов, способов авторефлексии [7, с. 69-89]. Соответственно, речь идёт о более широком пространстве документов, соотнесённых с творчеством, авторским самопониманием.

Дополнительное значение имеет незавершённость поздних замыслов. Исследование Меньщиковой, посвящённое зафиксированным, но не осуществлённым творческим планам Ахматовой, показывает необходимость учитывать законченные произведения, следы предполагаемой работы [6, с. 57-68]. Но наличие плана ещё не означает существования текста, а незавершённость отдельного документа не всегда может быть объяснена сознательной эстетической установкой.

Переход от преимущественно ситуативного общения к фиксации литературной памяти поэтому следует понимать как изменение соотношения функций. Личное обращение, повседневная запись, историческое свидетельство могут сосуществовать в одном документе, в чем заключается продуктивность рассмотрения эпистолярного наследия в связи с поздней авторефлексивной прозой.

Заключение

Эпистолярное наследие Ахматовой позволяет проследить изменение функций письменного слова (от решения непосредственных коммуникативных задач к сохранению литературной памяти, осмыслению собственного места в истории). Данную эволюцию нельзя свести к линейной смене вынужденного молчания свободным историческим свидетельством.

Проведённый анализ показывает необходимость разграничивать аграфию, коммуникативную осторожность, эстетический лаконизм. Понятие «криптограмма» сохраняет объяснительную ценность лишь при условии его метафорического употребления, обязательной проверки конкретным историко-биографическим контекстом.

Поздние записные книжки расширяют перспективу интерпретации эпистолярия, обнаруживая связи между частным сообщением, автобиографической записью, авторским комментарием. Понятие затекста позволяет описывать данные связи без устранения жанровых различий. Дальнейшее исследование предполагает сопоставление опубликованных документов с рукописными источниками, уточнение истории отдельных писем, последовательное разграничение авторского текста, редакторского комментария, исследовательской реконструкции.

Список литературы

1. Ахматова А.А. А.А. Ахматова в письмах к Н.И. Харджиеву (1930–1960-е гг.) / публикация Э.Г. Бабаева // Вопросы литературы. – 1989. – № 6. – С. 214–247. URL: https://voplit.ru/article/a-a-ahmatova-v-pismah-k-n-i-hardzhievu-1930-1960-e-gg-publikatsiya-e-babaeva/ (дата обращения: 02.11.2026).
2. «Ваша осинка трепещет под моим окном…»: переписка А.А. Ахматовой и М.С. Петровых / вступительная статья, подготовка текстов М.С. Петровых и комментарии О.Е. Рубинчик; подготовка текстов А.А. Ахматовой А.И. Головкиной и О.Е. Рубинчик // Русская литература. – 2022. – № 1. – С. 85–118. – DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-85-118.

3. Ерохина И.В. «Ночь тысяча вторая» Анны Ахматовой – рабочая тетрадь или семиотический эксперимент? // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 523–533.
4. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / составление и подготовка текста К.Н. Суворовой; вступительная статья Э.Г. Герштейн; вводные заметки и указатели В.А. Черных. – М.; Torino: Einaudi, 1996. – XIX, 849 с.
5. Кузмин М.А. Предисловие // Ахматова А. Вечер. – СПб.: Цех поэтов, 1912. – С. 5–10. URL: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_1912_akhmatova.shtml (дата обращения: 02.11.2026).
6. Меньщикова А.М. Зафиксировано, но не записано: о творческих планах Анны Ахматовой // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2024. – Т. 30, № 4. – С. 57–68. – DOI: 10.15826/izv1.2024.30.4.062.
7. Меньщикова А.М. Затекст как система (случай Анны Ахматовой) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2022. – Т. 8, № 3 (31). – С. 69–89. – DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-69-89.
8. Тименчик Р.Д. Персонажи записных книжек А.А. Ахматовой // Русская литература. – 2024. – № 3. – С. 128–151. – DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-128-151.
9. Черных В.А. Рукописное наследие Анны Ахматовой и проблемы его публикации // Царственное слово: Ахматовские чтения. Вып. 1. – М.: Наследие, 1992. – С. 207–216. URL: https://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/chernyh-rukopisnoe-nasledie-ahmatovoj.htm (дата обращения: 02.11.2026).
10. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity / translated by J. Czaplicka // New German Critique. – 1995. – № 65. – P. 125–133. – DOI: 10.2307/488538.
11. Reeder R. Anna Akhmatova: The Stalin Years // New England Review. – 1997. – T. 18, № 1. – P. 105–125.
12. Stanley L. The Epistolarium: On Theorizing Letters and Correspondences // Auto/Biography. – 2004. – T. 12, № 3. – P. 201–235. – DOI: 10.1191/0967550704ab014oa.

References

1. Akhmatova A.A. [A.A. Akhmatova’s Letters to N.I. Khardzhiyev (1930s–1960s)] / publication prepared by E.G. Babayev // Voprosy literatury. – 1989. – No. 6. – P. 214–247. – URL: https://voplit.ru/article/a-a-ahmatova-v-pismah-k-n-i-hardzhievu-1930-1960-e-gg-publikatsiya-e-babaeva/ (accessed: 02.11.2026). (In Russ.).
2. [“Your Little Aspen Is Trembling beneath My Window…”: Correspondence between A.A. Akhmatova and M.S. Petrovykh] / introductory essay, preparation of M.S. Petrovykh’s texts and commentary by O. Ye. Rubinchik; preparation of A.A. Akhmatova’s texts by A.I. Golovkina and O. Ye. Rubinchik // Russkaya literatura. – 2022. – No. 1. – P. 85–118. – DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-85-118. (In Russ.).

3. Yerokhina I.V. [Anna Akhmatova's "The Thousand and Second Night": A Workbook or a Semiotic Experiment?] // Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. – 2012. – No. 3. – P. 523–533. (In Russ.).
4. [Anna Akhmatova's Notebooks (1958–1966)] / compiled and prepared by K.N. Suvorova; introductory essay by E.G. Gershteyn; introductory notes and indexes by V.A. Chernykh. – Moscow; Torino: Einaudi, 1996. – XIX, 849 P. (In Russ.).
5. Kuzmin M.A. [Preface] // Akhmatova A. [Evening]. – 1912. – P. 5–10. – URL: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_1912_akhmatova.shtml (accessed: 02.11.2026). (In Russ.).
6. Menshchikova A.M. [Recorded but Not Written: On Anna Akhmatova's Creative Plans] // Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kultury. – 2024. – Vol. 30, No. 4. – P. 57–68. – DOI: 10.15826/izv1.2024.30.4.062. (In Russ.).
7. Menshchikova A.M. [Zatekst as a System: The Case of Anna Akhmatova] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates. – 2022. – Vol. 8, No. 3 (31). – P. 69–89. – DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-69-89. (In Russ.).
8. Timenchik R.D. [Characters in A.A. Akhmatova's Notebooks] // Russkaya literatura. – 2024. – No. 3. – P. 128–151. – DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-128-151. (In Russ.).
9. Chernykh V.A. [Anna Akhmatova's Manuscript Legacy and Problems of Its Publication] // [The Regal Word: Akhmatova Readings]. – 1992. – No. 1. – P. 207–216. – URL: https://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/chernyh-rukopisnoe-nasledie-ahmatovoj.htm (accessed: 02.11.2026). (In Russ.).
10. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity / translated by J. Czaplicka // New German Critique. – 1995. – No. 65. – P. 125–133. – DOI: 10.2307/488538.
11. Reeder R. Anna Akhmatova: The Stalin Years // New England Review. – 1997. – Vol. 18, No. 1. – P. 105–125.
12. Stanley L. The Epistolarium: On Theorizing Letters and Correspondences // Auto/Biography. – 2004. – Vol. 12, No. 3. – P. 201–235. – DOI: 10.1191/0967550704ab014oa.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

КИНО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ И ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА

Статья поступила в редакцию: 22.10.2026
Статья принята к публикации: 31.10.2026
Статья опубликована: 21.11.2026

УДК 654.197:070.1+316.774«1990/1999»

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.149.11.23665

Развлекательное телевидение России 1990-х годов: жанровая трансформация и формирование новой телевизионной культуры

Алексеев Кирилл Александрович
юрисконсульт нотариальной конторы нотариуса нотариального округа Санкт-Петербурга Кечик Натальи Петровны
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
E-mail: 6634048@elkir.ru

Entertainment television in Russia in the 1990s: genre transformation and the formation of a new television culture

Alekseev Kirill Aleksandrovich
Legal Counsel of the Notary Office of Notary of the Notarial District of St. Petersburg Natalia Petrovna Kechik
Russia, St. Petersburg

Аннотация

Развлекательный эфир в привычном для российского зрителя виде сложился за достаточно короткий срок (примерно с 1990 по 1999 гг., когда на смену телевидению Гостелерадио пришли рекламный рынок, независимые студии, первые частные сети. Этот переход до сих пор описывается, в основном, посредством политики и борьбы за влияние. А его развлекательная сторона изучена фрагментарно. Цель в статье состоит в том, чтобы показать, как менялась жанровая структура эфира 1990-х годов и каким образом соответствующие перемены сформировали новые зрительские привычки. К расхождению оценок добавляется противоречивость источников (в середине десятилетия аудиторию одновременно измеряли несколько служб с несопоставимыми методиками). Опираясь на работы по истории телевидения, данные ФОМ, Russian Research, Gallup Media, деловую

Библиографическое описание: Алексеев К.А. Развлекательное телевидение России 1990-х годов: жанровая трансформация и формирование новой телевизионной культуры // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23665

прессу, автор приходит к выводу, что жанровые преобразования прошли три волны: импорт готового продукта, адаптацию зарубежных форматов, дробление жанров. А главными участниками стали бывшие сотрудники главных редакций Центрального телевидения, которые после снятия цензурных ограничений смогли реализовать отложенные замыслы. Отбор форматов все в большей мере определял рейтинг, а к концу десятилетия у зрителя закрепились фоновое, выборочное, серийное, досуговое смотрение. Сопоставление СТС и ТНТ, запущенных одной командой на одинаковой технологии, показывает, что успех канала зависел от ясности развлекательной специализации, а не от технических возможностей. Авторский вклад проявился в сведении разрозненных данных телеизмерений 1990-х гг. в сопоставимые ряды и в модели «институциональный сдвиг – импорт формата – рейтинговая селекция – закрепление привычки», благодаря которой объясняется, почему одни программы быстро получали постоянное место в сетке, а другие сходили с эфира.

Abstract

Entertainment broadcasting in the form familiar to the Russian viewer took shape in a fairly short period (approximately from 1990 to 1999), when the Gosteleradio television was replaced by an advertising market, independent studios, and the first private networks. This transition is still described mainly through politics and the struggle for influence. And its entertainment side has been studied fragmentarily. The aim of the article is to show how the genre structure of broadcasting in the 1990s changed and how the corresponding changes formed new viewer habits. To the divergence of assessments is added the inconsistency of sources (in the middle of the decade, the audience was simultaneously measured by several services with incomparable methodologies). Relying on works on the history of television, data from FOM, Russian Research, Gallup Media, and the business press, the author comes to the conclusion that genre transformations went through three waves: the import of a finished product, the adaptation of foreign formats, and the fragmentation of genres. And the main participants were former employees of the main editorial offices of Central Television, who, after the lifting of censorship restrictions, were able to realize deferred plans. The selection of formats was increasingly determined by ratings, and by the end of the decade, background, selective, serial, and leisure viewing had become entrenched among viewers. A comparison of STS and TNT, launched by the same team on the same technology, shows that the success of a channel depended on the clarity of entertainment specialization, and not on technical capabilities. The author's contribution is manifested in reducing the disparate data of television measurements of the 1990s into comparable series and in the model «institutional shift – format import – rating selection – habit consolidation,» thanks to which it is explained why some programs quickly received a permanent place in the schedule, while others went off the air.

Ключевые слова: Гостелерадио, жанровая трансформация, зрительские привычки, развлекательное телевидение, телевизионная культура, телеигра, ток-шоу.

Keywords: Gosteleradio, genre transformation, viewer habits, entertainment television, television culture, TV game, talk show.

Введение

Девяностые годы минувшего столетия остаются, пожалуй, самым противоречивым периодом в истории отечественного телевидения. За неполные десять лет эфир, который еще в середине 1980-х гг. почти целиком финансировался из бюджета и управлялся аппаратными методами, превратился в конкурентный рынок с рекламой, рейтингами, частными владельцами. Перемены затронули не одну лишь экономику отрасли. Изменились набор жанров, интонация ведущих, ритм программной сетки и, что не менее значимо, само отношение зрителя к домашнему экрану.

В советской модели телевидение принадлежало к числу привилегированных институтов государства. По статусу и обеспечению, как отмечал С.А. Васильев, оно стояло в одном ряду со структурами госбезопасности [5]. Передачи готовили главные редакции, подчиненные Гостелерадио. А задачи вещания формулировались в категориях идеологической работы. Развлечение в характеризуемой системе допускалось, но дозированно. Многие имена и темы годами не попадали на экран, и даже просветительские программы, по наблюдению Н.С. Гегеловой, носили избирательный характер [6]. Редакторы и режиссеры работали, по существу, в режиме постоянной самопроверки. А заметная часть их замыслов так и оставалась «в столах».

Распад описываемой системы дал телевизионным профессионалам то, что современники называли «глотком воздуха». Впрочем, свобода пришла одновременно с бюджетным кризисом. Поэтому новые жанры складывались под давлением двух сил – творческой и коммерческой. Их взаимодействие, как представляется, и определило облик развлекательного вещания, которое постепенно сформировало у вчерашних советских зрителей новые повседневные практики.

Актуальность обсуждаемой темы аргументируется тем, что именно в 1990-е гг. были заложены основы развлекательного сегмента отечественного эфира:

- появились первые телеигры и ток-шоу по зарубежным моделям;
- сформировался рынок сериалов;
- возникли сетевые развлекательные каналы СТС (1996 г.) и ТНТ (1998 г.).

Между тем, в научной литературе рассматриваемое десятилетие чаще анализируется сквозь призму политики и информационных войн. А развлекательная составляющая описывается фрагментарно, без сведения разрозненных данных об аудитории в единую картину. Хронологические рамки исследования – 1990 – 1999 гг.; позднесоветский период в данной статье привлекается лишь как точка отсчета.

Частично развлекательная составляющая эфира девяностых уже рассматривалась в предыдущей работе автора, где телепрограммы этого периода были описаны как феномен переходной медиакультуры. Там предложена их жанровая типология; охарактеризован визуальный язык эпохи [2]. Здесь же продолжается это исследование. Однако фокус смещается с типологии и эстетики отдельных передач на институциональные условия их появления, сводки о телесмотрении, нюансы формирования зрительских привычек.

Цель в статье состоит в том, чтобы показать, как менялась жанровая структура эфира 1990-х годов и каким образом соответствующие перемены сформировали новые зрительские привычки. В соответствии с этим сформулированы следующие задачи:

- охарактеризовать институциональные предпосылки перемен;
- систематизировать появление ключевых развлекательных форматов;
- обобщить доступные количественные сведения о телесмотрении;
- оценить развлекательный контент СТС и ТНТ на этапе их становления;
- предложить авторский фреймворк модели формирования телевизионной привычки и изложить практические рекомендации.

Научная новизна работы проявилась в том, что жанровая история эфира рассматривается не изолированно, а в связке с данными ранних телеизмерений и с организационной «биографией» конкретных каналов. Такой подход помогает объяснить, почему одни форматы закрепились надолго, а другие исчезли после одного-двух сезонов.

Материалы и методы исследования

При подготовке статьи источниковая база включила три группы материалов. Одна из них представлена научными публикациями по истории и теории отечественного телевидения, которые размещены в открытом доступе в электронных библиотеках [1-3; 5-12]. Следующая категория – это данные исследований аудитории 1990-х гг.:

- дневниковые опросы ФОМ по проекту РДИ-СМИ [13];
- показатели Russian Research [16];
- информация о становлении панельных и пиплметровых (ТВ-метры) измерений [14].

В еще одной группе обозначена деловая пресса. Благодаря ее использованию стало возможным восстановить экономические параметры работы каналов [4; 15].

В статье применялись историко-сравнительный метод (сопоставление советской и постсоветской моделей вещания), хронологическая систематизация форматов, вторичный анализ количественных данных, кейс-оценка двух сетевых каналов (СТС и ТНТ); обоснование их выбора приведено в соответствующем разделе работы. Отдельно оговорим ограничение. Единой общенациональной «валюты» телеизмерений до 1999 г. не существовало. А во второй половине десятилетия только в Москве услуги по замерам аудитории предлагали семь компаний [1; 14]. Цифры разных служб поэтому сопоставляются с осторожностью. Основное внимание уделено направлению изменений, а не абсолютным значениям.

Результаты и обсуждение

Телевидение от статуса строго регламентированного, дидактического инструмента советского государства «…в кратчайшие сроки перешло к модели коммерчески ориентированной индустрии с плюралистичным и экспрессивным визуальным стилем» [2].

По замечанию С.А. Васильева, «…общепризнано, что телевидение играет колоссальную роль в современном общественном развитии. Оно выступает и средством формирования взглядов населения, и каналом распространения знаний, культуры и информации, и одним из способов релаксации, отдыха и пр. То есть, телевидение по своим целевым задачам является многофункциональным институтом, призванным формировать общественное мнение, интегрировать общество, а в конечном счете – социализировать население, придавать национальной культурной конфигурации определенную

направленность и содержание. Данные целевые функции неизбежно превращают телевидение, а точнее содержание телевизионных программ, в объект идеологических споров, дискуссий. Борьба вокруг национальной идеи, государственной идеологии находит свое зримое воплощение на телевизионном экране» [5].

В 1991 г., после распада СССР, государственное телевидение стало коммерческим, что в корне изменило его прежний облик. В связи с этим, в публикациях имеются и весьма критические оценки. Например, как отмечает Н.С. Гегелова, «…оно в одночасье предало забвению лучшие традиции и богатый опыт советского телевидения и всю свою деятельность подчинило чисто коммерческим целям. Коммерческое телевидение, к сожалению, не тратит своих сил на создание глубоких, интеллектуальных передач. Каждый телевизионный проект и даже разовая телепрограмма тщательно просчитывается только с точки зрения получения прибыли. Так как сегодня на телевидении «правит бал» пресловутый рейтинг, ставка сделана на развитие развлекательного направления деятельности российского телевидения, а также на телевизионную рекламу» [6].

К началу 1990-х гг. техническая база массового телесмотрения в России уже существовала. За четверть века число телевизионных станций выросло почти в 27 раз. А парк приемников – примерно в 18 раз (см. таблицу 1). Иначе говоря, развлекательный эфир девяностых пришел не к новой, а к давно сложившейся аудитории, которая привыкла проводить вечера у экрана, но получала довольно ограниченный выбор.

Таблица 1. Развитие телевизионной инфраструктуры СССР, 1960-1986 гг. (составлено на основе [5]; приросты рассчитаны автором)

Год	Телевизионные станции, ед.	Прирост станций к предыдущей точке, %	Телеприемники, млн шт.	Прирост приемников к предыдущей точке, %
1960	275	-	4,8	-
1970	1 233	+348	34,8	+625
1980	3 447	+180	66,8	+92
1986	7 401	+115	85,2	+28

Анализируемая динамика показательна. Так, к середине 1980-х гг. рост числа приемников замедлился до 28 % за шесть лет, то есть, рынок «железа» практически «насытился». Дальнейшее расширение аудитории могло идти лишь за счет содержания и времени, которое зритель готов отдавать эфиру. Между тем, как раз содержание оставалось самым жестко регулируемым звеном.

Советское телевидение не знало каналов как самостоятельных организаций. Программы распределялись между частотами, а производили их главные редакции Центрального телевидения. Они были подчинены Гостелерадио; перед комитетом ставились задачи касательно повышения роли телевидения в идеологической работе и централизации вещания [5]. Сама техническая система SECAM допускала не более шести метровых каналов в одной точке без взаимных помех. В итоге дополнительно сужалось пространство выбора. Примечательно, что спрос на развлечение фиксировался и тогда (в редких социологических

исследованиях высвечивалось, что наибольший интерес у зрителей вызывали художественные фильмы и КВН [8]). Предложение же отставало от спроса, поскольку каждый выпуск проходил через идеологический фильтр.

Для редакторов указанное выше означало работу в узком коридоре допустимого. Привычные советские формы подачи материала, как пишут С.Н. Ильченко, А.Н. Саблина, к концу 1980-х гг. утратили актуальность. А аудитория ждала нового содержания и вариабельных способов общения с экраном [9]. Снятие идеологических и цензурных запретов на рубеже десятилетий открыло для профессионалов возможность обратиться к зарубежному опыту и к темам, которые были прежде закрыты.

Первый практический шаг был сделан внутри самой государственной системы. Так, 27 сентября 1990 г. председатель Гостелерадио М.Ф. Ненашев подписал приказ № 596 о создании на незанятом эфирном времени третьей программы хозрасчетного предприятия, существующего за счет рекламы (так появился «Телеканал 2х2») [5]. Пока другие каналы транслировали съезды народных депутатов, здесь шли кино, мультфильмы, музыкальные клипы. По сути, это было первое в стране телевидение, свободное от пропаганды. Оно ориентировано именно на досуг.

Затем последовал бюджетный «обвал». В течение 1991-1992 гг. отрасль пережила переход с полного государственного финансирования на «голодный паек». Руководство телевидения, не сумев наладить коммерческий механизм, предоставило редакциям права юридических лиц. И на их основе возникли независимые студии. В частности, одна из них (ВИД) выросла из главной редакции программ для молодежи. Причем руководили обеими структурами одни и те же люди [5]. Итак, вчерашние советские редакторы не исчезли из профессии; они сменили статус (из исполнителей утвержденного плана они превратились в продюсеров, которые сами выбирают формат и отвечают за его окупаемость).

Характерна и биография Э.М. Сагалаева. Автор и ведущий молодежной передачи «12-й этаж» после августа 1991 г. стал директором первого канала и заместителем председателя Гостелерадио. Но вскоре он оставил госслужбу и возглавил частную Московскую независимую вещательную корпорацию. Созданный ею ТВ-6 изначально строился как семейный канал и за два года выпустил в эфир около 30 оригинальных программ. Многие из них номинировались на «ТЭФИ» [5]. По сути, перед нами типичная траектория поколения: опыт, накопленный внутри системы, был реализован лишь тогда, когда система перестала диктовать содержание.

Одновременно достаточно интенсивно складывался рекламный рынок. В 1992-1994 гг. цены на эфирное время росли в три-четыре раза за год; индекс пересматривался пять-шесть раз в течение года. Основной спрос формировали финансовые пирамиды, а с 1992-1993 гг. в Россию пришли транснациональные рекламодатели (Unilever, Procter & Gamble) [5]. Деньги потекли в эфир, но вместе с ними пришли и теневые практики («левый» гонорар постановщика мог составлять 1,5-2 тыс. долл., то есть, около двух годовых окладов).

На указанном фоне сменилась сама архитектура системы. Исследователями фиксируется переход от жесткой вертикали Гостелерадио к горизонтальным связям между телеорганизациями и освоение сетевого принципа распространения программ [11]. Образованию независимых студий способствовал и закон «О средствах массовой информации» 1991 г. [7]. В январе 1993 г. начал работу ТВ-6, в октябре того же года – НТВ,

в ноябре 1994 г. «Останкино» было преобразовано в ОРТ с 51 % акций у государства. К середине десятилетия в Москве насчитывалось 11 эфирных каналов (против пяти в Париже) [5]. Количественный скачок выбора стал, вероятно, главной предпосылкой всех последующих жанровых сдвигов.

Уже к началу 1990-х гг. в отечественном эфире были представлены почти все основные формы развлекательной экранной продукции:

- сериал;
- игровое шоу;
- шоу-концерт;
- художественный фильм [10].

Существенно другое – это способ их появления. Изобретать оригинальные формы в тогдашней экономической обстановке было трудно, а во многом и незачем: на Западе они давно существовали, их можно было адаптировать либо купить по сходной цене [9]. Отсюда возникает характерная для десятилетия логика заимствования, которую удобно проследить по хронологии (см. таблицу 2).

Таблица 2. Появление ключевых развлекательных форматов на российском ТВ, 1988-1998 гг. (составлено автором на основе [5; 6; 9; 10; 15])

Год	Программа, канал	Жанр	Происхождение и модель
1988	«Рабыня Изаура» (ЦТ)	Теленовелла	первый латиноамериканский сериал в эфире, импорт
1990	«Телеканал 2х2»	Блоки кино, мультфильмов, клипов	Первый хозрасчетный канал; программы Super Channel
1990	«Поле чудес» (ВИД)	Телеигра	Адаптация американского «Колеса фортуны»
1992	«Санта-Барбара» (РТР)	Мыльная опера	Закупка «Видео Интернешнл»; показ в обмен на рекламное время
1992	«Тема» (ВИД)	Ток-шоу	Схема заимствована у шоу Ф. Донахью
1992-1994	«Горячев и другие»	Отечественный сериал	Герой – предприниматель
1993	ТВ-6	Семейный развлекательный канал	80-90 % зарубежных программ; библиотека Т. Тернера
1994-1996	«Мужчина и женщина», «Я – сама», «Про это»	Ток-шоу о частной жизни	Пик жанра. «Я – сама» – с февраля 1995 г.
1995	«Угадай мелодию» (ВИД)	Музыкальная игра	Русифицированный англоязычный формат
1996	СТС	Сетевой развлекательный канал	Общая сетка для региональных станций
1998	ТНТ	Сетевой канал общего профиля	Команда основателей СТС; капитал «Медиа-Моста»

Из представленной таблицы видно, что развитие шло волнообразно. Первая волна (1988 – 1992 гг.) характеризуется импортом готового продукта:

- латиноамериканские теленовеллы;
- американская «мыльная опера»;
- зарубежные мультсериалы.

Именно на «2х2» появились первые многосерийные мультфильмы о роботах-трансформерах [5]. «Санта-Барбара», показ которой начался в январе 1992 г., со временем стала в массовом сознании символом постсоветского развлекательного телевидения [10].

Следующая волна хронологически пришлась на 1990 – 1995 гг. Происходила адаптация формата силами бывших сотрудников государственного ТВ. Ключевую роль здесь сыграла телекомпания ВИД. Так, проекты В. Листьева «Поле чудес», «Угадай мелодию», «Час пик», «Тема» представляли собой русифицированные версии успешных англоязычных программ. Поначалу лицензии на них не приобретались. И лишь позднее практика была приведена в соответствие с нормами авторского права [9]. Показательно, что «Поле чудес», формально выходившее на канале «Останкино», экономически и юридически было программой независимой студии [5]. Заимствование, впрочем, не было механическим. Формат получал русскую интонацию. Ведущий же становился его главным содержанием; на телевидении появилась новая профессия (шоумен) [6].

Что касается третьей волны, то подразумеваются 1994-1998 гг. Имели место расширение и дробление жанров. Ток-шоу, начавшиеся в 1992 г. с «Темы», к 1994-1996 гг. заняли сетки почти всех каналов и разделились на общественные, семейные, женские. Жанр оказался технологичным (см. рис. 1).

Рисунок 1. Дифференциация ток-шоу в 1992 – 1996 гг. (подготовлено автором)

Сериальное же направление сделало шаг от закупки к собственному производству. Первые отечественные сериалы («Горячев и другие» (1992-1994 гг.), «Клубничка») были, по оценке С.С. Ильченко, продуктом невысокого качества. Но они точно отражали дух времени. Так, главным героем одного из них стал бизнесмен [10]. К 1996-1997 гг. ОРТ, «Премьер СВ», НТВ уже финансировали проекты отечественных сериалов, объясняя это ростом интереса зрителей к национальной продукции вкупе с некоторым охлаждением к зарубежной [5].

Параллельно развлекательность проникала и в информационное вещание. Инфотейнмент, который понимается как подача новостей в развлекательной форме, исследователи связывают с демократичной средой, где журналист может вести себя свободнее [3]. Иными словами, развлекательная стилистика стала одним из внешних проявлений той самой профессиональной свободы, которой так не хватало советским редакторам.

Количественно сдвиг выглядит следующим образом. По данным, приводимым С.С. Ильченко, доля продукции массовой культуры на первом и втором федеральных каналах в 1999 г. по сравнению с 1989 г. выросла соответственно в 36,5 и 62,5 раза [10]. Даже с поправкой на различия в методике подсчета порядок цифр говорит о смене самой природы эфира (за десятилетие развлечение превратилось из «приправы» в его основу).

Жанровые перемены были бы невозможны без нового инструмента обратной связи, а именно, без рейтинга. В советское время редакции судили о реакции аудитории, как правило, по письмам; после принятия закона о СМИ 1991 г., освободившего редакции от обязанности отвечать на обращения граждан, поток писем заметно сократился [1]. Их место занял замер. В 1992 г. социологическую службу «Останкино» возглавил В.М. Вильчек, и понятие «рейтинг передачи» относительно быстро вошло в профессиональный обиход; при построении сетки стали учитывать интересы разных групп зрителей.

Сама индустрия измерений прошла за десятилетие путь от разовых опросов к электронной панели. В 1991 г. французская Médiamétrie провела первые волновые исследования в Москве и Санкт-Петербурге по 1 050 респондентам. В апреле 1992 г. Gallup Poll запустил Russian Media Monitor (дневниковую панель на 600 человек в десяти крупнейших городах европейской части). К 1995 г. «КомКон-2» вел национальную дневниковую панель на 1 600 домохозяйств, а Russian Research к началу 1997 г. опрашивал 2 800 человек в 33 городах [14]. Первую пиплметровую систему в Москве создал НИСПИ в конце 1995 г. Но выборка в 200 домохозяйств не позволила ей закрепиться. Лишь с 1 января 1999 г. данные Gallup Media (проект Gallup TV Index) де-факто стали «валютой» телерекламного рынка. Между тем, уже в апреле 1996 г. Национальная ассоциация телевещателей, которая объединяла около 70 компаний, провела конференцию по стандартизации измерений [1]. Иначе говоря, рынок сам потребовал единых правил подсчета зрителя, поскольку именно зритель стал предметом купли-продажи.

Доступные сводки о телесмотрении сведены в таблицу 3. Они получены разными службами и методами, поэтому сравнивать их следует, в первую очередь, по направлению динамики.

Таблица 3. Показатели телесмотрения и структуры эфира, сводные данные (составлено автором на основе [5; 10; 13; 16])

Показатель	Период	Значение
Среднемесячная доля ОРТ, взрослая аудитория Москвы	сент. 1997 г. → сент. 1998 г.	33 % → 29 %
Среднемесячная доля НТВ, взрослая аудитория Москвы		19 % → 25 %
Разрыв между ОРТ и НТВ		14 → 4 п. п.
Суточная доля в европейской части России (Russian Research): НТВ / ТВ-6 / СТС	первый год вещания СТС	9 % / 4 % / ≈1 %
Потенциальная аудитория ТВ-6	1993 г. → середина 1996 г.	0,5 млн → 67,7 млн чел.
Рост доли продукции массовой культуры: 1-й / 2-й федеральные каналы	1989 г. → 1999 г.	в 36,5 / в 62,5 раза
Число эфирных каналов (Москва / Париж)	1996–1997 гг.	11 / 5

Из представленной таблицы вытекает несколько наблюдений. Так, лидерство государственного канала уже во второй половине десятилетия перестало быть безусловным. За один год разрыв между ОРТ и НТВ в Москве сократился с 14 до 4 процентных пунктов. ОРТ потерял аудиторию, прежде всего, утром и днем. А НТВ прибавил во всех частях суток [13]. Это прямое свидетельство того, что зритель научился выбирать и переключаться. Это привычка, немыслимая при двух-трех программах советского времени.

В дополнение к отмеченному, новые развлекательные каналы стартовали с весьма низких позиций. Доля СТС около 1 % в первый год работы была сопоставима с показателями «Пятого канала», «2х2», REN-TV и заметно уступала ТВ-6 [16]. Успех развлекательной модели не был мгновенным. Требовались наращивание технического охвата и терпеливая работа с сеткой.

Помимо этого, увеличение выбора шло параллельно с расширением технического охвата новых каналов. ТВ-6 начинал с аудитории около 0,5 млн человек, а к середине 1996 г. обслуживал уже 67,7 млн [5]. Предложение, таким образом, росло быстрее, чем складывались устойчивые предпочтения (зритель сначала получал доступ к новым каналам и лишь затем вырабатывал привычку к конкретным программам и временным слотам).

Если ТВ-6, который был запущен в 1993 г., стал первым частным федеральным каналом, позиционировавшим себя как развлекательный [8], то СТС и ТНТ довели обозначенную идею до устойчивой бизнес-модели. Сопоставление двух каналов интересно тем, что их создавала, по существу, одна команда. А результаты в 1990-е гг. оказались разными.

Выбор их в качестве объекта кейс-анализа требует пояснения, поскольку по объему аудитории в 1990-е гг. они заметно уступали ОРТ, РТР, НТВ. Впрочем, именно эта асимметрия и делает их показательными. Госканалы унаследовали от советской системы ретрансляционную сеть, которой обеспечивался охват 95 – 98 % населения, а вместе с ней – универсальный формат; в нем развлечение соседствовало с информацией и политикой. НТВ с момента создания строилось вокруг собственной службы новостей и ориентировалось на наиболее обеспеченную часть аудитории [5]. Развлекательная составляющая во всех этих случаях была частью сетки, но не основой идентичности канала.

СТС и ТНТ, напротив, возникли в конце десятилетия «с чистого листа». Они стали первыми общенациональными сетями, для которых развлекательный контент был заявлен как главный продукт. Это дает возможность увидеть итог жанровых преобразований 1990-х гг. в концентрированном виде: если на ОРТ телеигра или сериал оставались отдельными элементами эфира, то здесь из них складывалась вся сетка вещания. Существен и технологический аргумент. Оба канала выстраивались по сетевому принципу (это было ново для отечественного телевидения) [11], и, следовательно, именно через них столичная развлекательная модель впервые системно транслировалась в регионы без опоры на советскую ретрансляционную инфраструктуру.

Еще один аргумент носит методологический характер. СТС и ТНТ запускала, по существу, одна команда (С. Скворцов и П. Корчагин) [15], причем, при одинаковой технологии распространения сигнала. Поэтому сравнение двух каналов приближается к своего рода естественному эксперименту (опыт руководителей и способ вещания совпадают, а различается, главным образом, содержательная стратегия). Это позволяет выделить роль развлекательной специализации в относительно чистом виде. ТВ-6, также позиционировавший себя как развлекательный, привлекается в работе лишь как предшественник. Его сетка на старте на 80-90 % состояла из зарубежных программ. А уверенный прием поначалу был возможен только в части Москвы [5], что затрудняет корректное сопоставление.

Итак, СТС начал вещание 1 декабря 1996 г. как первая в России национальная сеть, построенная по принципу общей программной сетки; учредителями выступили АО «СТС Холдинг» и американская Story First Communications. К старту сеть объединяла 35 станций более чем в 40 городах. На 1997 г. планировалось расширение минимум до 70. Весь цикл (от монтажа до передачи сигнала) шел в цифровом виде [5]. Развлекательный профиль был задан изначально: таково было условие иностранного владельца, который контролировал около 75 % акций; еще 25 % в 1998 г. приобрела «Альфа-групп» [15]. В сетевой схеме предполагались головная станция в Москве и региональные партнеры, которые в специальных окнах выпускали местные программы, чаще всего новостные. В московском эфире новостей не было вовсе.

Содержательно ранний СТС строился как семейный развлекательный канал без политического вещания. Основу его эфира, как и у большинства коммерческих вещателей того времени, составляла закупленная зарубежная продукция. А собственное производство было минимальным. Стартовая доля оказалась скромной (около 1 % суточной аудитории в европейской части России). Однако уже в первый год работы, по данным «КомКон-2», аудитория СТС устойчиво росла, а показатели НТВ и ТВ-6 оставались на прежнем уровне; сам канал в тот момент позиционировал себя как пятый по величине вещатель страны после ОРТ, РТР, НТВ, ТВ-6 [16].

Основатели СТС (С. Скворцов и П. Корчагин) через два года покинули канал и в 1998 г. запустили новую национальную сеть (ТНТ) на средства «Медиа-Моста» [15]. Сетевая технология была той же, но отчетливой развлекательной концепции у канала в 1990-е годы так и не сложилось. Его аудитория в первые годы была примерно вдвое меньше, чем у СТС. В эфире чередовались спорт и повторы программ [4]. Иначе говоря, к концу десятилетия ТНТ оставался ресурсом с «размытым» адресатом.

Для сравнительной оценки был использован ряд критериев: ясность развлекательного позиционирования, модель распространения, структура сетки, стартовая аудитория и ее динамика в конце десятилетия (см. таблицу 4).

Таблица 4. Сравнительная оценка развлекательного контента СТС и ТНТ (составлено автором на основе [4; 5; 15; 16])

Критерий	СТС (1996–1999 гг.)	ТНТ (1998–1999 гг.)
Старт вещания	1 декабря 1996 г.	1998 г.
Капитал	Story First (~75 %), «Альфа-групп» (25 % с 1998 г.)	«Медиа-Мост»
Модель распространения	Сеть (35 станций в 40+ городах на старте)	Сеть по той же схеме
Развлекательное позиционирование	Заложено условием владельца	Не сформировано
Основа сетки	Семейный развлекательный эфир без политики	Спорт, повторы
Аудитория на старте	≈1 % (европейская Россия)	Около половины аудитории СТС
Динамика аудитории	Устойчивый рост уже в первый год (по данным «КомКон-2»)	Сохраняющееся отставание от СТС

На основании отмеченного укажем на следующее. В 1990-е гг. определяющим фактором успеха оказалась не технология (у обоих каналов она была одинаковой), а четкость развлекательной специализации. СТС с первого дня предлагал зрителю понятный «договор»: здесь не будет политики, будут кино, сериалы. ТНТ же такого договора в те годы не имел и потому отставал. Примечательно, что оба канала создавала одна команда, а значит, различие результатов объясняется именно содержательной стратегией, а не опытом руководителей либо техническими возможностями.

Жанровая трансформация, рейтинговая селекция в сочетании с увеличением числа каналов в совокупности изменили как эфир, так и повседневное поведение зрителя. Целесообразно выделить привычки, которые, как представляется, сложились именно в 1990-е гг.

Так, первая из них касается фонового смотрения. Шестикратный повтор одного и того же развлекательного блока на «2х2», возникший из-за нехватки программ, неожиданно превратил канал в «фон» (телевизор можно было не выключать и смотреть с любого момента). В начале 1990-х гг. на этот канал были настроены приемники в офисах, магазинах, кафе [5]. Телевизор перестал быть событием и стал средой.

Еще одна привычка сопряжена с выбором и переключением. При одиннадцати эфирных каналах в Москве у зрителя впервые появилась возможность сравнивать. Перераспределение утренней и дневной аудитории между ОРТ и НТВ [13] показывает, что выбор делался по частям суток, то есть, человек выстраивал собственное «расписание» вечера и выходного дня.

Важно упомянуть и о серийном, почти ритуальном смотрении. Теленовеллы и «мыльные оперы» приучали к ежедневной встрече с героями; еженедельные телеигры – к регулярным семейным вечерам у экрана. Сериальность, как отмечает И.А. Новикова, вообще принадлежит к жанровым особенностям развлекательных передач [12] (зритель возвращается не к отдельному выпуску, а к знакомому миру и его персонажам).

Наконец, значимая привычка проявилась в досуговой мотивации. Исследователи выделяют базовые потребности, которые удовлетворяет развлекательный эфир:

- удовольствие;
- снятие напряжения;
- уход от реальности;
- азарт;
- юмор [12].

Сходные эскапистская и гедонистическая функции приписываются и инфотейнменту [3]. При этом ток-шоу и телеигры не были содержательно пустыми. С их помощью предлагались модели одобряемого и неодобряемого социального поведения, воспитывалась соревновательность.

Смена привычек сопровождалась переосмыслением ролей. Журналист из проводника гражданских идей все чаще превращался в того, кто обслуживает потребителя [9]. А письмо в редакцию уступило место рейтингу. В этом, по-видимому, и состоит суть новой телевизионной культуры 1990-х гг. (зритель стал одновременно адресатом и «голосующим» участником производства, и его выбор пультом через систему измерений возвращался в сетку вещания). Обобщенная логика процесса показана на рисунке 2.

Рисунок 2. «От ограничений к привычке». Фреймворк модели развлекательной ТВ-культуры 1990-х гг. (подготовлено автором)

Представленная выше модель читается сверху вниз. В частности, институциональный сдвиг (этапы 1 – 3) открывает дорогу импорту и адаптации форматов (4). Рейтинг отбирает удачные из них (5). А сетка закрепляет их в постоянных слотах (6). Высвечивается ключевой механизм: благодаря сложившейся привычке (7) через рейтинг поддерживаются именно те форматы, к которым зритель уже привык.

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд авторских рекомендаций. Они адресованы как исследователям в области истории отечественного телевидения, так и практикам (программным директорам, продюсерам, архивистам). Их общая задача состоит в том, чтобы перевести опыт 1990-х гг. из сферы ностальгических воспоминаний в русло проверяемого знания, пригодного для анализа и принятия решений.

Прежде всего, представляется необходимым создать сводный реестр телеизмерений 1990-х гг., в котором объединились бы данные Médiamétrie, Russian Media Monitor, «КомКон-2», Russian Research, ФОМ, Gallup Media. Принципиально важно, чтобы каждая цифра сопровождалась описанием методики (дневник, телефонный опрос, пиплметр и т. д.), объема выборки, территории исследования. Потребность в описываемом инструменте вытекает из проблемы, с которой столкнулся и автор данной статьи: показатели разных служб нередко цитируются вперемешку, хотя во второй половине десятилетия только в Москве

действовали семь измерителей [14]. И это порождает противоречивые выводы о том, какой канал и в какой момент лидировал. Новизна предложения заключается в переходе от нарративной истории телевидения к той, которая проверяется данными, причем с явной маркировкой несопоставимых рядов; в отечественных работах по ретроспективе эфира такой подход пока применяется редко.

Следующая рекомендация касается методологии изучения форматов. Предложенный фреймворк модели (рис. 2) целесообразно использовать как аналитическую рамку в целях описания жизненного цикла отдельной программы (от ее происхождения и характера адаптации к результату рейтинговой селекции, закреплению в постоянном слоте). Характеризуемый подход помогает ответить на вопрос, который в литературе обычно остается за кадром: почему одни проекты 1990-х гг., например «Поле чудес» или «Угадай мелодию», быстро получили устойчивое место в сетке, а многие ток-шоу середины десятилетия, по наблюдению Н.С. Гегеловой, со временем утратили привлекательность из-за однотипности тем и участников [6].

Еще один рекомендуемый шаг адресован практикам программирования. Опыт СТС и ТНТ показывает, что развлекательную специализацию канала или нового телевизионного проекта следует формулировать до запуска, а не искать по ходу работы. В 1990-е гг. ТНТ при той же сетевой технологии и тех же основателях, что и СТС, собирал примерно вдвое меньшую аудиторию [4]. И главной причиной этого, по-видимому, было отсутствие внятного «договора» со зрителем. Ценность указанного вывода проявляется в том, что он опирается не на маркетинговую интуицию, а на исторически документированное сравнение двух каналов, которые были созданы в сходных условиях. Тем самым известный тезис о значении позиционирования получает эмпирическое подтверждение на отечественном материале.

Наконец, назрела правовая и каталожная инвентаризация программ, созданных независимыми студиями 1990-х гг. (ВИД, АТВ, REN-TV, другими производителями). Для каждой программы важно зафиксировать первоисточник формата и правообладателя. Решение обозначенной задачи осложняется тем, что первые адаптации зарубежных шоу выходили в эфир без лицензий [9], а права на советский телевизионный фонд после распада Гостелерадио долго оставались спорными [5]. Без такой работы повторное обращение к архивам (в научных, образовательных, вещательных целях) сопряжено с юридическими рисками. Новизна предложения состоит в увязке истории телевизионных форматов с историей прав на них. И это делает историко-медийное исследование востребованным как в академической среде, так и в самой отрасли

Заключение

Развлекательное телевидение России 1990-х гг. было не случайным набором заимствованных шоу, а результатом последовательного институционального сдвига. Его отправной точкой явился распад модели Гостелерадио, в которой эфир финансировался из бюджета, производился главными редакциями, проходил идеологическую проверку. Спрос на развлечение существовал и тогда, но предложение сдерживалось политическими рамками. Когда в 1990 – 1992 гг. эти рамки исчезли, а бюджетные дотации резко сократились, телевизионные профессионалы получили одновременно свободу и необходимость зарабатывать.

Ключевыми агентами перемен стали вчерашние советские редакторы и журналисты. Независимые студии (наподобие ВИД) выросли непосредственно из главных редакций центрального телевидения. И именно их проекты («Поле чудес», «Угадай мелодию», «Тема», «Час пик») задали жанровую рамку десятилетия. Для этих людей девяностые действительно стали временем, когда отложенные творческие замыслы можно было воплотить без согласований с комитетом.

Жанровые преобразования прошли три волны (импорт готового продукта (теленовеллы, «мыльные оперы», мультсериалы), адаптация зарубежных форматов, дробление жанров с переходом к собственному производству сериалов).

Определяющую роль в отборе форматов сыграл рейтинг. Переход от писем зрителей к измерениям аудитории, а затем, с 1999 г., к единой пиплметровой «валюте» превратил зрителя в участника программной политики. Данные ФОМ о сокращении разрыва между ОРТ и НТВ в Москве наглядно демонстрируют, что зритель научился выбирать.

Сравнение СТС и ТНТ показало, что при одинаковой сетевой технологии успех определяла ясность развлекательной специализации. СТС, с первого дня отказавшийся от политики, при стартовой доле около 1 % уже в первый год работы характеризовался устойчивым ростом аудитории. ТНТ, который не имел внятной концепции, в конце десятилетия собирал примерно вдвое меньше зрителей.

Наконец, в 1990-е гг. сформировались четыре устойчивые зрительские привычки (фоновое, выборочное, серийно-ритуальное, досуговое смотрение). Телевизор перестал быть источником одобренной сверху информации; он превратился в пространство личного выбора, отдыха. Именно в этом, по-видимому, и состоит главное содержание новой телевизионной культуры десятилетия.

Научное значение статьи проявилось в том, что история жанров связана с данными ранних телеизмерений и с организационной биографией каналов, а предложенный фреймворк модели «институциональный сдвиг – импорт формата – рейтинговая селекция – закрепление привычки» объясняет долговечность одних программ и быстрое исчезновение других. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании истории отечественной журналистики, при подготовке отраслевых докладов, в работе программных дирекций, при планировании архивных проектов. Перспективным направлением дальнейших изысканий видится региональный срез: изучение того, как сетевые партнеры СТС и ТНТ адаптировали столичный развлекательный эфир к местной аудитории.

Список литературы

1. Адемукова Н.В. Из истории российской социологии медиа: исследовательская служба «Пятого канала» (1991–2000) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – С. 300–313.
2. Алексеев К.А. Развлекательные телепрограммы 1990-х годов как феномен переходной медиакультуры: жанровая типология и визуальный язык эпохи // Universum: филология и искусствоведение. – 2026. – № 10 (148). – С. 38–52. URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23501 (дата обращения: 18.10.2026).

3. Богданова Е.М. Феномен инфотейнмента на телевидении // Наука телевидения. – 2012. – С. 219–223.
4. Болецкая К. Канал СТС обогнал по аудитории ТНТ впервые с 2011 года [Электронный ресурс]. // Ведомости. 23.12.2019. – 2019. URL: https://www.vedomosti.ru/media/articles/2019/12/23/819487-sts (дата обращения: 18.10.2026).
5. Васильев С.А. Отечественный телевизионный рынок: возникновение, становление и тенденции развития // Мир России. Социология. Этнология. – 1997. – Т. 6. – С. 3–28.
6. Гегелова Н.С. Культурная миссия российского телевидения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2010. – С. 96–103.
7. Данилов А.А. Становление и развитие негосударственного телевидения в постсоветской России // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – С. 71–76.
8. Долгова Ю.И., Ершов Н.О., Чан Т.Т.З. Жанрово-форматные особенности развлекательного телевидения // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение, журналистика. – 2022. – Т. 27. – С. 573–589.
9. Ильченко С.Н., Саблина А.Н. Инфотейнмент и российский телевизионный дискурс: исторические предпосылки взаимодействия // Огарев-Online. – 2015. – С. 9–13.
10. Ильченко С.С. Артефакты «Массовой культуры» как базисная единица современного телевещания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2009. – С. 151–159.
11. Корнилова Е.Е. Современные тенденции развития российского телевидения // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – С. 77–80.
12. Новикова И.А. Современное развлекательное телевещание в контексте общественных дискуссий // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2009. – С. 109–126.
13. Петрова А. ОРТ и НТВ в борьбе за московскую телеаудиторию [Электронный ресурс]. // База данных Фонда «Общественное мнение». 08.10.1998. – 1998. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/sc_12/tv-n/of19984006 (дата обращения: 18.10.2026).
14. Сидорина Л. Новейшая история телеизмерений в России [Электронный ресурс]. // Телеспутник. 01.09.2016. – 2016. URL: https://telesputnik.ru/materials/tsifrovoe-televidenie/article/2016-noveyshaya-istoriya-teleizmereniy-v-rossii (дата обращения: 18.10.2026).
15. Чаркин А. Петренко покидает СТС [Электронный ресурс]. // Ведомости. 30.04.2002. – 2002. URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2002/04/30/petrenko-pokidaet-sts (дата обращения: 18.10.2026).
16. CTC Network Challenges Russian TV Giants [Электронный ресурс]. // The Moscow Times. Архив. – 1997. URL: https://www.themoscowtimes.com/archive/ctc-network-challenges-russian-tv-giants (дата обращения: 18.10.2026).

References

1. Ademukova N.V. [From the history of Russian media sociology: the research service of «Channel Five» (1991–2000)] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2017. – No. 5 (141). – P. 300–313. (In Russ.).
2. Alekseev K.A. [Entertainment TV programs of the 1990s as a phenomenon of transitional media culture: genre typology and visual language of the era] // Universum: filologiya i iskusstvovedenie. – 2026. – No. 10 (148). – P. 38–52. – URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23501 (accessed: 18.10.2026). (In Russ.).
3. Bogdanova E.M. [The phenomenon of infotainment on television] // Nauka televideniya. – 2012. – No. 9. – P. 219–223. (In Russ.).
4. Boletskaya K. [STS channel surpassed TNT in audience for the first time since 2011] [Электронный ресурс]. // Vedomosti. 23.12.2019. – 2019. – URL: https://www.vedomosti.ru/media/articles/2019/12/23/819487-sts (accessed: 18.10.2026). (In Russ.).
5. Vasil'ev S.A. [The domestic television market: emergence, formation and development trends] // Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya. – 1997. – Vol. 6, No. 1. – P. 3–28. (In Russ.).
6. Gegelova N.S. [The cultural mission of Russian television] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. – 2010. – No. 2. – P. 96–103. (In Russ.).
7. Danilov A.A. [Formation and development of non-state television in post-Soviet Russia] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – No. 67. – P. 71–76. (In Russ.).
8. Dolgova Yu.I., Ershov N.O., Chan T.T.Z. [Genre and format features of entertainment television] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Literaturovedenie, zhurnalistika. – 2022. – Vol. 27, No. 3. – P. 573–589. (In Russ.).
9. Il'chenko S.N., Sablina A.N. [Infotainment and Russian television discourse: historical prerequisites for interaction] // Ogarev-Online. – 2015. – No. 19 (60). – P. 9–13. (In Russ.).
10. Il'chenko S.S. [Artifacts of «mass culture» as a basic unit of modern television broadcasting] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. – 2009. – No. 2–1. – P. 151–159. (In Russ.).
11. Kornilova E.E. [Modern trends in the development of Russian television] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. – 2007. – P. 77–80. (In Russ.).
12. Novikova I.A. [Modern entertainment television broadcasting in the context of public discussions] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. – 2009. – No. 4. – P. 109–126. (In Russ.).
13. Petrova A. [ORT and NTV in the struggle for the Moscow television audience] [Электронный ресурс]. // Baza dannykh Fonda «Obshchestvennoe mnenie». 08.10.1998. – 1998. – URL: https://bd.fom.ru/report/cat/sc_12/tv-n/of19984006 (accessed: 18.10.2026). (In Russ.).
14. Sidorina L. [The latest history of television measurements in Russia] [Электронный ресурс]. // Telesputnik. 01.09.2016. – 2016. – URL: https://telesputnik.ru/materials/tsifrovoe-televidenie/article/2016-noveyshaya-istoriya-teleizmereniy-v-rossii (accessed: 18.10.2026). (In Russ.).

15. Charkin A. [Petrenko leaves STS] [Электронный ресурс]. // Vedomosti. 30.04.2002. – 2002. – URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2002/04/30/petrenko-pokidaet-sts (accessed: 18.10.2026). (In Russ.).
16. CTC Network Challenges Russian TV Giants [Электронный ресурс]. // The Moscow Times. Arkhiv. – 1997. – URL: https://web.archive.org/web/20261012185502/https://www.themoscowtimes.com/archive/ctc-network-challenges-russian-tv-giants (accessed: 18.10.2026).

ARTICLES IN ENGLISH

LINGUISTICS

THEORY OF LANGUAGE AND GENERAL LINGUISTICS

Received: 29.10.2026
Accepted: 10.11.2026
Published: 21.11.2026

УДК 81'373.7+81'27

Coding of cultural components in English, Russian and Mongolian languages (using phraseological units with the component «throat» as an example)

Batsuren Renchin
PhD, Associate Professor
The National University of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
E-mail: batsuren.r@num.edu.mn

Tuul Selenge
PhD, Associate Professor
The National University of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
E-mail: s.tuul@num.edu.mn

Кодирование культурных компонентов в английском, русском и монгольском языках (с использованием фразеологических единиц с компонентом “горло”)

Батсурэн Рэнчин
PhD, доц.
Монгольский государственный университет
Монголия, г. Уланбатор

Туул Сэлэнгэ
PhD, доц.
Монгольский государственный университет
Монголия, г. Уланбатор

Библиографическое описание: Батсурэн Р., Туул С. Кодирование культурных компонентов в английском, русском и монгольском языках (с использованием фразеологических единиц с компонентом “горло”) // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23686

For citation: Batsuren R., Tuul S. Coding of cultural components in English, Russian and Mongolian languages (using phraseological units with the component «throat» as an example) // Universum: philology and art history : electronic scientific journal. 2026. No. 11(149). Available at: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23686

Abstract

The problem of cultural coding is one of the most important areas of linguistic and cultural studies, determining their relevance and significance. The encoding of archetypal representations, in particular, of one of the oldest archetypes – the heart – in various languages is poorly covered in modern linguistic literature and represents a significant field for identifying cultural codes associated with this archetype. The identification of a set of cultural codes of phraseological units in three languages, undertaken in the work, is significant for identifying common and ethno-specific characteristics of the respective cultures and makes a certain contribution to the development of the problem of correlation of universal and specific in culture features of ethnic groups. The subject for the consideration in the article are idioms with the component “throat” in English, Russian and Mongolian language views of the world. The purpose of this article is to examine the similarities and differences in the system of images included in the phraseological units with the component “throat” in English, Russian and Mongolian. The main task to achieve this goal is to analyze the nature of the correlation of fragments of reality verbalized in idioms with cultural codes, based on which the coding of cultural components in idiomatic funds of the studied languages is carried out. As a result of interlanguage comparison of phraseological units, the correlation of idioms with cultural codes in the considered language pictures of the world (including the fragments of professional – religious, military, etc. discourses) is established. Similarities and differences of different cultural perceptions in the language view of the world are revealed.

Аннотация

Проблема культурного кодирования является одной из важнейших областей лингвистических и культурологических исследований, определяющих их актуальность и значимость. Кодирование архетипических представлений, в частности, одного из древнейших прообразов – горла – в различных языках недостаточно освещено в современной лингвистической литературе и представляет собой важную область для выявления культурных кодов, связанных с этим прототипом. Выявление в работе совокупности культурных кодов фразеологических единиц в трех языках имеет важное значение для определения общих и этноспецифических характеристик соответствующих культур и вносит определенный вклад в развитие проблемы корреляции универсальных и специфических в культуре особенностей этнических групп. Предметом рассмотрения в статье являются идиомы с компонентом «горло» в английском, русском и монгольском языках, отражающие мировоззрение. Цель статьи – изучение сходств и различий в системе образов, входящих в фразеологические единицы с компонентом «горло» в английском, русском и монгольском языках. Основная задача достижения этой цели – анализ характера корреляции фрагментов реальности, вербализованных в идиомах, с культурными кодами, на основе которых осуществляется кодирование культурных компонентов в идиоматических фондах изучаемых языков. В результате межъязыкового сравнения фразеологических единиц устанавливается корреляция идиом с кодами культуры в рассматриваемых языковых картинах мира (включая фрагменты профессионально-религиозных, военных и др. дискурсов). Выявляются сходства и различия различных культурных представлений в языковом мировоззрении.

Keywords: language and culture, idioms, language view of the world, phraseological view of the world, cultural codes, throat.

Ключевые слова: Язык и культура, идиомы, языковое мировоззрение, фразеологическое мировоззрение, культурные коды, горло.

Introduction

The phraseological view of the world (PVW) is a part of the general linguistic picture of the world, outlined by means of phraseology. The phraseological foundation of any language is an invaluable repository of information about the culture and consciousness of the people, where people's views about the objective world are preserved.

Cultural codes, which are universal in their essence, come from the most ancient archetypal representations of a person. At the same time, it should be noted that they capture the national way of seeing the world, which determines and shapes the national character. V.V. Krasnikh introduced quite accurate, in our opinion, definition, which qualifies the culture code as a grid, which «culture throws on the world around, divides it, categorizes, structures and evaluates it» [Krasnikh 2002: 232].

The relationship between the idioms and certain culture codes is kept subconsciously in the collective memory of the nation. As V.N. Telia notes, culture codes are those realities that are already endowed with a cultural meaning and which are the initial material for the cultural interpretation of the image of phraseology. Codes of culture are thematically united on the basis of the properties and actions of man himself, faunal, floral and other worlds, the objective world (natural or man-made «things»), natural-landscape or spiritual-religious worlds. Signs of realities correlated with culture codes, identified in the image of phraseology, are their functions, size, boundaries, shape, color, etc. – they usually perform the role of symbols, standards, stereotypes in the «language» of culture and act as signs of the «language» of culture [BFSRL2006].

Methodology

The analysis of cultural codes carried out by us is based on the linguo-cultural approach to the study of the phraseological sources proposed by V.N. Telia in the book «Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects »(Telia, 1996) and represents the correlation of idioms with cultural codes in the language view of the world that are under our consideration.

A practical embodiment of this theoretical analysis is found in the fundamental work «A Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Use. Culturological commentary» (BFSRL, 2006), where the cultural commentary is represented by three» zones «- an etymological reference, a regional geographic reference and a culturological commentary itself, which makes the dictionary unique at the moment.

For the concepts of the “language” of culture, embodied in the language means, language idioms are the most transparent as they contain characteristic traits of the worldview, reflexively correlated with this “language” and displayed in a figurative base of idioms« (Telia, 1999, p.9). In this article, we will consider similarities and differences in the images included in the somatic idioms with the component **“throat»** in English, **“горло**” Russian and **“хоолой”** in Mongolian

languages. The word “**throat**” is a component of a fairly large number of phraseological units, in the meaning of which the archetype “throat= man” is clearly visible. These words in the cultural tradition are identified with man, are a kind of unique starting point in the system of anthropomorphic coordinates. Researchers, noting the primary importance of this component of culture, consider phraseological units with the component «throat» in terms of their figurative component, study the symbolism embedded in them. At the same time, as far as we know, a separate study aimed at analyzing the variants of synergetic coupling of cultural codes in the Russian, English and Mongolian language pictures of the world has not yet been conducted, which determines the novelty of the work.

To achieve this goal, the main tasks were defined:

- to select phraseological units with the component «throat» from phraseological dictionaries of the English, Russian and Mongolian languages;

- to analyze the nature of the correlation of fragments of reality verbalized in idioms with cultural codes, on the basis of which the coding of cultural components in the phraseological funds of the studied languages is carried out;

– compare the figurative components associated with different cultural codes in the languages under consideration.

The research material was phraseological units with the component «throat», selected from the dictionaries of three languages (see the list).

The chosen approach allowed us to define the methods required for the analysis. They represent a certain set necessary for extracting culturally significant information associated with archetypal ideas and include the method of continuous dictionary sampling, component analysis, descriptive and comparative methods, and the decoding method.

Discussion and results

To achieve our goal, we will analyze the nature of interrelationship of fragments of reality verbalized in idioms and cultural codes. Thus, based on our analysis, the coding of cultural components in idiomatic funds of the three languages is carried out.

The analysis is based on linguistic and cultural approach to the study of the phraseological material formulated by V.N. Telia (Telia, 1996, 1999).

Our analysis allows us to represent a correlation of idioms with cultural codes in these language worldviews. Distribution of idioms in accordance with one or another cultural code appears as follows:

Cultural codes similar in English, Mongolian and Russian languages

1. Somatic +active:

Eng.: be cutting (one's) own throat; clear (one's) throat; force (something) down (one's) throat; go for the throat; grab (someone or something) by the throat; jam (something) down (someone's) throat; jump down (one's) throat; ram (something) down (one's) throat; shove down throat; stuff down throat; take (something) by the throat;

Rus.: прёт (тянет) с горла (*someone is tired of something, doesn't like it*); рвать/ вырвать из горла у кого что (*to seize something, to take possession of something*); брать/ взять за горло кого (*achieve one's goal by threats and shouting*); вырвать горло кому (*to kill someone; to deal cruelly with someone*); горло взошло у кого (*about strong fear*); горло мучает кого (*someone who likes to drink alcohol, drinks a lot*); драть горло (*shout and sing as loud as you can*); наступать/ наступить на горло кому, чье. (*to force someone to do something; to shut someone's throat*); не лезет в горло кому что. (*about the lack of desire to eat something*); рвать горло (*shout, scream)*; разинуть горло (*to be very surprised*); перегрызть горло кому (*in a fit of rage or malice, to cruelly deal with someone*); сломать горло (*to crash, to get injured*); подступил комок к горлу (*a lump came to my throat);*

Mng.: **х**оолой нь зангирах - *the throat is sore.(lump in one's throat)*

Cultural codes similar in two languages

1. Somatic +zoomorphic: **Eng.** a frog in (one's) throat; **Rus.** лошадиное горло (*about a person who is capable of screaming loudly*); собачье горло (*a dangerous place for shipping).*

2. Somatic+active+artifact: **Rus**. наступать/ наступить на горло бутылки (t*o drink alcohol, to get drunk*); **Mng**. хоолой дээр хутга тавих (*fly at someone's throat*); хоолой давахгүй (*it won't go down one's throat*)

3. Somatic +active +anthropic: **Eng**. die of throat trouble; have (one's) words stick in (one's) throat; **Rus**. наступать/ наступить на горло собственной песне (*to force oneself to remain silent, resolutely and ruthlessly; to restrain one's creative impulses*)

4. Somatic +numerical: **Eng**. at each other's throats; **Rus. в** три горла (a *lot, greedily (eat, drink*)); во всё горло (*very loud).*

Cultural codes existing only in one of three languages

In English

1. Somatic +somatic: **Eng.** (one's) heart is in (one's) throat; a lump in the throat; bone in the throat;

2. Somatic +spacious: **Eng**. full-throated

3. Somatic +active +numerical: **Eng**. cut each other's throats;

In Russian

1. Somatic: до горла (*enough, to the full (to eat)*; **и**з-под горла (f*rom a very close distance, from the immediate vicinity of someone*); в горло (*in large quantities, without knowing the measure (drinking, eating, etc*.); **п**о горло (*very much, extremely).*

2. Somatic +natural: **Rus.** оловянное горло (*drunkard, lover of alcohol)*;

3. Somatic+qualitative: **Rus**. широкое горло у кого, чьё (*about a person who has a habit of speaking loudly and shouting*); худым горлом (*very loud*); сыт по горло *(completely, beyond all measure, satisfied, satiated with something*);

4. Somatic + spacious +active: **Rus.** пойти поперёк горла кому-л. (*become intolerable to someone)*; стоять поперёк горла *(to be unbearable for someone*);

5. Somatic+somatic+active: **Rus.** из горла кус вырвать у кого-л. (*to take away something vital from someone*); быть (сидеть) по горло в говне (*get into a dirty story);*

6. Somatic +active +natural: **Rus**. **в** горло йодом мазаный (*about a person who causes anger, indignation, annoyance);*

In Mongolian

1. Somatic +numerical +anthropic: Mng. хоолойгоор татсан их ажилтай (*with work up to one's throat – to be overwhelmed with work);*

2. Somatic +somatic +active: Mng. Хоолойд тээглэсэн яс мэт (l*ump in the throat)*.

Results of the analysis of cultural codes and correlation of cultural codes can be represented as follows:

English cultural codes:	***Russian codes:***	***Mongolian codes:***
somatic	somatic	somatic
active	active	active
numerical	numerical	numerical
anthropic	anthropic	anthropic
spacious	spacious	-
zoomorphic	zoomorphic	-
-	natural	-
-	qualitative	-
-	artifact	artifact

Moving on to the comparison of figurative components based on the data obtained, we note that their coincidence or difference does not directly depend on the correlation with a particular cultural code. However, it is possible to trace what anthropomorphic characteristics (emotional and mental life, stable character traits/behavior under the influence of impulse, human behavior based on comparison with animal behavior, attitude towards people, etc.), traditionally embedded in the figurative and meaningful side of phraseological units, are reflected in the material under study in connection with ethnospecific ideas associated with a particular code.

Conclusion

On the grounds of our analysis of the correlation of the somatic idioms with the component '**throat'** and the codes of culture, we can make the following conclusions:

Universal codes of the culture for the appropriate three language worldviews include 1 common set out of the 16 sets of cultural codes: *somatic+active* code. For Russian and English languages, 3 sets of cultural codes are common: *somatic+zoomorphic*, *somatic +numerical* and *somatic+active+anthropic* codes. As for Russian and Mongolian languages, only *somatic+active+artifact* set of cultural code is common. The presence of common sets of cultural codes indicates a single «cultivated» worldview of the three nations.

Along with these similarities, there are also some differences in the world outlook presented in each language. Some of the codes of culture are present only in one of the compared languages: in English 3 sets of codes are unique: *somatic+somatic; somatic+spacious and somatic+active+numerical* codes.

There are 6 unique codes in Russian language as following: *somatic; somatic+natural; somatic+qualitative; somatic+spacious+active; somatic+somatic+active; somatic+active+natural* codes.

And we can see 2 unique sets of codes in Mongolian such as: *somatic+numerical+anthropic* and *somatic+somatic+active* codes. In Russian language all cultural codes are existing; in English language *natural, qualitative, artifact* codes are not found. In Mongolian language – *spacious, zoomorphic, natural and qualitative* codes are absent.

Thus, we can say that ethno-specific differences allow us to judge about the peculiarities of mentality, determined by cultural, historical, religious and mythological, geographical and climatic factors. The presence of a common set of cultural codes proves the universality of a linguistic cultural picture in three LVW (Language view of the world), due to the universality of man's existential characteristics: space, time. The presence of specific linkages of cultural codes confirms that the interaction of cultural codes in the linguistic consciousness occurs in different ethnic groups according to different models, which together with the figurative content determines the ethnic specificity of the formation of PVW.

The research methodology used in this study can also be applied to linguacultural studies of other thematic layers of vocabulary in various languages. This research has the potential to examine and compare other fragments of the lexical structure of languages with different structures, with the aim of identifying the distinctive features of the linguistic consciousness of different nations.

References

1. Krasnykh V.V. Ethnopsychology and Linguoculturology: A Course of Lectures. – Moscow: ITDGK «Gnosis», 2002. – 232 P.
2. Telia V.N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguoculturological Aspects. – Moscow: School «Languages of Russian Culture», 1996. – 288 P.
3. Telia V.N. Priority Tasks and Methodological Problems in the Study of the Phraseological Composition of a Language within the Context of Culture // Phraseology in the Context of Culture. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1999.
4. Telia V.N. The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units. – Moscow. – 1986. – 141 P.
5. Ammer Ch. Ammer. Ch., The American Heritage dictionary of Idioms / Houghton Mifflin Company. – Houghton Mifflin Company. – 1997. – 728 P.
6. Spears R.A. NTC's, The American Idioms Dictionary / 3d edition- NTC Publishing Group. – 2000. – 625 P.
7. Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Cultural commentary // Editor-in-chief – Ph.D.V.N. Telia. M. – 2006. – 784 P.

8. Fedorov, A.I. Phraseological dictionary of the Russian literary language: In 2m./ More than 1200 phraseological units. – M.: Living Language, 2005. – 787 P.
9. Kunin, A.V. Large English-Russian Phraseological Dictionary: About 20,000 phraseological units / 6th ed., corrected. – M.: Living Language, 2005. – 944 P.
10. G. Akim. G. Akim. Phraseology of the Mongolian language. – UB.: Interpress, 1999. – 211 P.

ART STUDIES

CULTURAL STUDIES AND THEORY OF ART

Received: 04.11.2026
Accepted: 16.11.2026
Published: 21.11.2026

УДК 791.43.079

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.149.11.23744

Documentary as a part of the cultural and historical code

Ruzin Valeriy
PhD
President of the Eurasian Academy of Television and Radio
Deputy General Secretary of the World Peoples Assembly
Russia, Moscow
E-mail: ruzin@world-assembly.org

Документалистика — часть культурно-исторического кода

Рузин Валерий Давыдович
канд. филос. наук
президент Евразийская Академия телевидения и радио, заместитель Генерального секретаря Ассамблеи народов мира
Российская Федерация, г. Москва

Abstract

The film industry and professional media community define documentary film as a complex production, communication, and ethical system, and not just a cinematic genre. From this perspective, a discussion of institutional design seems relevant. In this case, a consistent infrastructure is being built in which documentary filmmaking serves as a mechanism for preserving cultural and historical codes, representing a channel for international dialogue. The purpose of this article is to describe documentary filmmaking as part of this cultural and historical code. General scientific methods formed the basis of the philosophical research proposed to the scientific community. Institutional expertise was applied on a global scale. A philosophical critical

Библиографическое описание: Рузин В.Д. Документалистика — часть культурно-исторического кода // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23744

For citation: Ruzin V. Documentary as a part of the cultural and historical code // Universum: philology and art history : electronic scientific journal. 2026. No. 11(149). Available at: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23744

assessment of arguments, values, and decisions was applied using logical analysis, conceptual analysis, dialectics, and generalization, clarifying meanings, and discussing norms. The author's personal guidance, as well as direct participation in the jury, screening, and selection of documentaries, formed the empirical basis of this research. In the course of professional discussions, increasing attention is being paid to the role of documentary filmmaking in protecting historical truth. The author of this article views the falsification of historical events and facts not as something abstract, but as a serious threat directly affecting the media market. If trust in facts is destroyed, the entire film industry is at risk. This study concluded that documentary filmmaking is an important component of the cultural and historical code, representing not just a genre but a comprehensive infrastructure that connects professional standards, educational practices, global collaboration, and the preservation of historical memory. For the film industry and media community, this approach represents an important benchmark in a context where content quality and informational trust are becoming key market values.

Аннотация

Индустрия кино и профессиональное медийное сообщество определяют документальное кино как сложную производственную, коммуникационно-этическую систему, а не только как жанр киноискусства. С подобной точки зрения актуальным представляется актуальным обсуждение институционального проектирования. В этом случае выстраивается последовательная инфраструктура, в которой документалистика выступает в качестве механизма сохранения культурного и исторического кода, представляя собой канал международного диалога.

Цель статьи — описать документалистику как часть культурно-исторического кода. Общенаучные методы стали базой предлагаемого научному сообществу философского исследования, применена институциональная экспертиза в глобальном масштабе, философская критическая оценка аргументов, ценностей и решений с применением логического анализа, концептуального анализа, диалектики и обобщения прояснения смыслов, и обсуждения норм. Личное руководство автора, а также непосредственное участие в работе жюри, просмотре и отборе документальных фильмов стали эмпирической основой настоящей научной работы. В ходе проведения профессиональных дискуссий всё больше уделяется внимания вопросу о роли документалистики в защите исторической правды. Автор настоящей статьи рассматривает фальсификацию событий и фактов истории не как нечто абстрактное, но как серьёзную угрозу, напрямую влияющую на рынок медиа. Если доверие разрушается доверительное отношение к фактам, вся киноиндустрия оказывается под ударом. В результате проведенной работы сделан вывод о том, что документалистика — это важная составляющая культурно-исторического кода, являющаяся не просто жанром, а полноценной инфраструктурой, соединяющей стандарты профессионализма, практики образования, глобальное сотрудничество и сохранение исторической памяти. Для индустрии кино и медиасообщества подход подобного рода представляет собой важный ориентир в условиях, когда качество содержания и информационное доверие становятся главными ценностями рынка.

Keywords: cultural and historical code, hub, international, documentary, film festival, «Won Together», world, Assembly.

Ключевые слова: культурно-исторический код, хаб, международный, документальный, кинофестиваль, «Победили вместе», всемирная, ассамблея.

Introduction

As President of the Eurasian Academy of Television and Radio (EATR), the author of this article stakes on the professional documentary production standards. In the industry where the boundaries between reportage, investigation, art documentaries, and educational video are blurring, institutional expertise becomes the filter of quality. EATR creates a space where not only creative techniques are discussed, but also the methodology of working with sources, verification of evidence, and the ethics of filming and post-production. Particular attention is paid to training: the academy's educational programs are designed to equip young filmmakers not only to film expressively but also to ensure authenticity. This is especially important in an era when trust in the media is becoming a scarce resource. This approach sets a new bar for the industry: documentary filmmaking is no longer a «secondary» genre but is becoming an equal segment of production, where quality is measured not only by artistic expression but also by the depth of research.

EATR regularly hosts expert sessions, including open screenings, case studies of international projects, and discussions on archival errors and ethical dilemmas when filming with vulnerable groups. This format is useful not only for authors and directors, but also for producers, editors, curators, and festival jurors: it helps to develop uniform criteria for the selection, evaluation, and presentation of documentary works to a wide audience.

The purpose of this article is to describe documentary filmmaking as a part of cultural and historical code.

Materials and Methods

General scientific **methods** formed the basis of the philosophical research proposed to the scientific community. Institutional expertise was applied on a global scale. A philosophical critical assessment of arguments, values, and decisions was applied using logical analysis, conceptual analysis, dialectics, and generalization, clarifying meanings, and discussing norms. The author's personal guidance, as well as direct participation in the jury, screening, and selection of documentaries, formed the empirical basis of this research.

Results and Discussion

«Won Together»: The Film Festival as an Industrial Hub

International Documentary Film Festival «Won Together» named after Vladimir Menshov took place for the 21st time by 2026, having been held since 2007 [1].

For the professional community, this festival has long ceased to be simply a film screening – it has become an industrial hub, uniting filmmakers, screenwriters, directors, producers, curators, and television channel representatives from around the world. In 2026 alone, despite a challenging international environment, the festival received approximately 200 applications from more than 40 countries [3].

Festival's competition program covers a wide range of documentaries: from historical reconstructions based on archives to personal stories that reveal large-scale events through the lives of individuals. This approach demonstrates that documentary film can be simultaneously precise and emotional, investigative and artistic. Industrial formats have become an important part of the festival: pitching sessions, working screenings with feedback, and roundtables on documentary content. For young filmmakers, this is an opportunity not only to showcase their work but also to receive professional evaluation, find partners, and even funding. For more experienced filmmakers, the festival is a platform for exchanging experiences and discussing trends: how audience perception is changing, which formats are becoming popular, and how to work with digital distribution. The festival's archival mission deserves special attention. The program regularly features rare film footage, screenings of restored films, and presentations of digital archives. This is important not only for heritage preservation but also as a source of inspiration for new projects: old footage becomes the starting point for modern stories.

Documentaries as a Defense of Historical Memory

The role of documentary filmmaking in protecting historical truth is increasingly being raised in professional circles [2; 5]. The author of this article views the falsification of history not as an abstract problem, but as a threat that directly impacts on media market: if trust in facts is destroyed, the entire industry is at risk. From a production perspective, this means establishing clear protocols for working with sources: verifying evidence, cross-checking with archival data, citing sources in credits, and working with experts. For producers and editors, this represents additional costs, but also a competitive advantage: projects that can prove their authenticity gain greater trust from audiences and partners. In this sense, International Film Festival “Won Together” Named after Vladimir Menshov functions as a laboratory for professional practices. It regularly hosts discussions on how to film complex and painful topics, and how to work with the memory of war and other major events without turning history into propaganda or entertainment. Such discussions [4] help filmmakers to find a balance between artistic expression and ethical responsibility.

Public Diplomacy and International Cooperation

As Deputy General Secretary of the World Peoples Assembly, the author of this article develops the idea of public diplomacy [9], where culture and media become tools for mutual understanding. For the film industry, this means new opportunities for co-productions, joint festivals, and distribution. Documentary film serves as the universal language here: it requires no translation in traditional sense, as it speaks the language of human emotions and facts. Joint projects between filmmakers from different countries allow for different perspectives on the same events, creating a more complete and multifaceted picture of the past. The World Peoples Assembly supports such initiatives, helping to build partnerships between film studios, television channels,

and festivals. This is especially important for documentary filmmaking, which often faces limited funding and a narrow audience: international cooperation helps expand its reach and improve the quality of production. In one of the author's article named «The Eurasian Academy: Integration and Communication» [8], is noted that the main goals of the Eurasian Academy of Television and Radio are to participate in the expansion of humanitarian cooperation, develop its forms and methods, promote mutual enrichment, the interpenetration of national cultures, and cultural, creative, and professional exchange. Facilitating the creation of a common open information space for the states of Europe, Asia, and Africa, intercultural communications, and the establishment of partnerships and connections at the international level are the main stages of the mission of the philosophical foundation on which the activities of the EATR are built. «The scale of this organization's expansion is astonishing, since the Academy includes Australia, Azerbaijan, Armenia, Bulgaria, Belarus, Georgia, Israel, Iran, Kazakhstan, Canada, Kyrgyzstan, Latvia, Lithuania, Estonia, Moldova, Russia, the USA, Tajikistan, Uzbekistan, France, China, and Sweden» [8]. And in recent years, the activities of EATR and International Film Festival "Won Together" named after Vladimir Menshov have been increasingly interacting with the World Peoples Assembly, becoming part of the second World Public Summit "New World: Values that Unite" [7], which took place in Moscow in September 2026.

New Formats and the Digital Transformation of Documentary Promotion and a Unified Space

The modern media industry is undergoing a transformation: viewers are increasingly consuming content in short formats, on mobile devices, and on social media [10–13]. The author of this article sees this not as a threat, but as an opportunity: new technologies make documentaries more accessible and engaging. For professionals, this means mastering new formats: from short videos and clips to multimedia projects that combine video, archival photos, audio interviews, and text. However, the main principle remains unchanged: authenticity and respect for the subjects must not be compromised by format. EATR and the International film festival "Won Together" named after Vladimir Menshov are actively addressing these challenges, supporting projects that experiment with form while maintaining depth of content. This is also important for producers: such projects can become an entry point for young audiences accustomed to short formats but also ready to engage with serious topics. EATR is becoming a digital platform and is working on the virtual transformation of the «Won Together» film festival.

Conclusion

For the media community and film industry, the activities of the Eurasian Academy of Television and Radio, together with the Assembly of the Peoples of the World, and related projects have several important effects:

• Formation of standards. Professional platforms help develop uniform quality criteria that serve as a benchmark for producers and creators.

• Support for new talent. Educational and festival programs create conditions for the growth of young creators and the emergence of new projects.

• Expanding international cooperation. Joint projects and public diplomacy open up new markets and distribution opportunities.

• Preservation of heritage. Archival initiatives and screenings of rare materials help preserve cultural memory and provide new sources for future projects.

Thus, documentary filmmaking, as understood by the author of this article, is not just a genre, but a comprehensive infrastructure that connects professional standards, educational practices, international cooperation, and the preservation of historical memory. For the media community and film industry, this approach is becoming an important reference point in a context where trust in information and content quality is becoming key market values.

References

1. XXI Mezhdunarodnyj kinofestival' «Pobedili vmeste» imeni Vladimira Men'shova [21st International Film Festival «Won Together» named after Vladimir Menshov]. – Retrived from: (accessed date: 25.09.2026) [Электронный ресурс]. – URL: https://pobedilivmeste.com/. (in Russian).
2. Volodin A. YU. Cifrovaya transformaciya istorii? Dannye, standarty, podhody [Digital transformation of history? Data, standards, approaches] // Istoriya: elektron. nauch.-obrazovat. zhurn. – 2026. – Vol. 11, No. 3. – DOI: 10.18254/S207987840009746-9 [Электронный ресурс]. – URL: https://istina.ficp.ac.ru/publications/article/301300073/. (in Russian).
3. Vtoraya Vsemirnaya Obshchestvennaya Assambleya «Novyj mir: cennosti, kotorye ob"edinyayut» zavershilas' v Moskve [The Second World Public Assembly «New World: Values That Unite» has concluded in Moscow]. – Retrived from: (accessed date: 02.10.2026) [Электронный ресурс]. – URL: https://world-assembly.org/news/6012-participants-from-154-countries-the-second-world-public-assembly-has-concluded-in-moscow. (In Russian).
4. Dokumentalistika – chast' kul'turno-istoricheskogo koda [Documentary Films as Part of the Cultural-Historical Code]. – Retrived from: (accessed date: 03.11.2026) [Электронный ресурс]. – URL: https://historynetwork.ru/PressRelease/PressReleaseShow.asp?id=783676. (In Russian).
5. Doroshchuk E.S. Kreativnaya dokumentalistika kak novyj format dokumental'nogo kinematografa: sbornik trudov konferencii [Creative documentaries as a new format of documentary cinema: collection of conference papers] // Social'no-kul'turnaya deyatel'nost': vektory issledovatel'skih i prakticheskih perspektiv: sbornik statej VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kazan', 15–16 maya 2023 g.) / redkol.: E.A. Astrahanceva [i dr.]. – 2023. – DOI: 10.31483/r-106873. (In Russian).
6. Malygina L.E., Parfun A.V. Ekonomicheskie i strukturnye transformacii v rossijskoj mediaindustrii pod vliyaniem generativnogo II: analiz novyh biznes-modelej i rynochnyh nish [Economic and Structural Transformations in the Russian Media Industry Under the Influence of Generative AI: Analysis of New Business Models and Market Niches] // Izvestiya UrFU. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. – 2025. – Vol. 31, No. 4. (In Russian).

7. Panel'naya sessiya vysokogo urovnya «Kul'tura, novye media i obshchestvennaya diplomatiya: sozdavaya prostranstvo doveriya mezhdu narodami» [High-Level Panel Session “Culture, New Media, and Public Diplomacy: Creating a Space of Trust Among Peoples”] // Programma II Obshchestvennoj Assamblei 18 sentyabrya. – 2026. (In Russian).
8. Ruzin V.D. Evrazijskaya Akademiya – ehto integraciya i kommunikaciya [The Eurasian Academy is Integration and Communication] // PR i SMI v Kazahstane: sbornik nauchnyh trudov. – Almaty: Kazak universiteti, 2015.
9. Ruzin V.D. Narodnaya diplomatiya v sovremennyj period [Public diplomacy in the modern period] // PR i SMI v Kazahstane: sbornik nauchnyh trudov. – Қазақстандағы PR zhəne BAҚ: ғylymi eңbekter zhinaғy / sost. i gl. red. L.S. Ahmetova. – Vyp. 23. – Almaty: Қazaқ universiteti, 2022. – S. 179–185. (In Russian).
10. Santi B. Interaktivnaya dokumentalistika: novye vozmozhnosti cifrovoj sredy i osobennosti deyatel'nosti rezhissera [Interactive Documentary Filmmaking: New Possibilities of the Digital Environment and the Peculiarities of a Director's Activity] // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2014. (In Russian).
11. Sashchenko B.I. Sovremennye podhody k formirovaniyu cifrovogo mediakontenta [Modern Approaches to the Formation of Digital Media Content] [Электронный ресурс]. // Nauchnyj aspect. – 2026. – URL: https://na-journal.ru/7-2023-jurnalistika/5976-sovremennye-podhody-k-formirovaniyu-cifrovogo-mediakontenta. (in Russian).
12. Sokolova M.E. Cifrovye transformacii vizual'nyh landshaftov: chto proiskhodit segodnya v mediakreativnyh industriyah [Digital Transformations of Visual Landscapes: What's Happening Today in Media Creative Industries] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3. Filosofiya. – 2026. – No. 4 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-transformatsii-vizualnyh-landshaftov-chto-proishodit-segodnya-v-mediakreativnyh-industriyah. (In Russian).
13. Soshkin V. Cifrovaya transformaciya: kak peredovye tekhnologii pomogayut kompaniyam lidirovat' na rynke [Digital Transformation: How Advanced Technologies Help Companies Lead the Market]. – M.: OOO «Izdatel'skie resheniya, 2025. – 168 s. (In Russian).

FINE, DECORATIVE AND APPLIED ARTS AND DESIGN

Received: 17.09.2026
Accepted: 06.10.2026
Published: 21.11.2026

УДК 7.01:159.9

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.149.11.23626

From chaos to form: integrating traditional and digital art in a structured practice of translating inner experience

Mariien Kateryna
Independent Researcher
Visual Artist
United States, Miami, Florida
E-mail: k.marien.art@gmail.com

От хаоса к форме: интеграция традиционного и цифрового искусства в структурированной практике трансляции внутреннего опыта

Мариен Катерина
независимый исследователь, художник
США, Флорида, г. Майами

Abstract

The study seeks to frame the authorial From Chaos to Form practice as a systematic artistic procedure in which internal experience is translated into a visual object through an intentional blending of conventional and digital media. Its methodology combines conceptual analysis, practice-informed reflection, a comparative affordance analysis of material and digital media, and the synthesis of scholarship spanning art therapy, visual culture, and artistic research. The outcome is a seven-stage model consisting of safe recognition, sensory mapping, medium selection, externalization, forming chaos, reflective distance, and integration with closure. Findings indicate that traditional materials help sustain embodiment, engage material resistance, and preserve the singularity of the trace, whereas digital tools offer reversibility, layering, variation, and controlled revision. When used sequentially, these modes function as more than a stylistic hybrid; they operate as an integrated system enabling movement from sensation to image and from image to a clearly articulated form. The article concludes that the model may support artistic self-inquiry and the

Библиографическое описание: Мариен К. От хаоса к форме: интеграция традиционного и цифрового искусства в структурированной практике трансляции внутреннего опыта // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 11(149). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23626

For citation: Mariien K. From chaos to form: integrating traditional and digital art in a structured practice of translating inner experience // Universum: philology and art history : electronic scientific journal. 2026. No. 11(149). Available at: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23626

creation of an individual studio method, yet it should not be portrayed as clinical art therapy without qualified professional participation and empirical validation. Its practical value is a transferable framework for artists, educators, and facilitators working with non-clinical creative programs, assuming that participation remains voluntary and that interpretation, privacy, and closure stay under the participant's control.

Аннотация

Цель исследования заключается в том, чтобы концептуализировать авторскую практику «От хаоса к форме» как структурированный художественный процесс, в котором внутренний опыт преобразуется в визуальный объект благодаря последовательному сочетанию традиционных и цифровых средств. Методологический подход включает концептуальный анализ, практико-ориентированную рефлексию, сопоставление материальных и цифровых медиумов по их выразительным возможностям, а также синтез исследований в области арт-терапии, визуальной культуры и художественной практики. В результате была выработана семиступенчатая модель, включающая в себя безопасное распознавание переживания, сенсорное картирование, выбор художественного языка, экстернализацию и создание хаоса, рефлексивную дистанцию, а затем интеграцию и завершение. Исследование демонстрирует различия: традиционные материалы придают телесность, оставляют уникальный след и дают почувствовать сопротивление материала, цифровые же инструменты предлагают обратимость, вариативность, многослойность и возможность редактирования под контролем. Взаимодействие тех и других в определённой последовательности создаёт некий функциональный механизм для перехода от ощущения к осмысленной форме и образу, а не стилистический гибрид.

Приходят к заключению, что данная модель уместна как способ художественного самоисследования и выработки авторского метода, но ни в коем случае не может быть альтернативой клинической арт-терапии, где требуется присутствие квалифицированного специалиста и эмпирическая проверка. Что касается практической стороны, то художники, педагоги, руководители творческих программ могут пользоваться этой моделью, если будут придерживаться конфиденциальности, принципов добровольности и авторской интерпретации, а также обеспечат безопасность завершения.

Keywords: inner experience, hybrid art practice, traditional media, digital art, externalization, reflective distance.

Ключевые слова: внутренний опыт, гибридная художественная практика, традиционные материалы, цифровое искусство, экстернализация, рефлексивная дистанция.

Introduction

Contemporary artists increasingly operate across physical and digital environments. A drawing can start as a bodily gesture made in charcoal, then be photographed, reorganized into layered compositions, printed, painted over, and finally returned to the screen. This kind of movement is often labeled hybrid practice, yet hybridity by itself does not account for what each

transition does to lived experience. The key issue is not whether an artwork is traditional or digital. Rather, it concerns how a selected medium reshapes the artist's relationship to an initially diffuse, pre-verbal, or emotionally charged condition.

Artistic work has long offered ways for experience to become visible. In art therapy, externalization is understood as a method for placing affect, memory, or conflict into a perceptible object that can be approached from some distance [6; 9; 12; 17]. In artistic research, making is likewise treated as a mode of inquiry: knowledge arises not only in verbal propositions before the work, but also through material choices, revisions, failures, and reflection on the resulting form [8; 15; 16]. These viewpoints overlap, but they are not the same. Clinical art therapy calls for professional competencies, ethical safeguards, and a therapeutic frame. An artist's structured self-inquiry may be psychologically significant without amounting to treatment.

Digital media both blur this distinction and broaden the available artistic lexicon. Features such as undo functions, layering, duplication, scaling, masking, and versioning can reduce the cost of experimentation and make transformations more transparent [3–5]. At the same time, digital practices may diminish tactile feedback, invite endless revision, and bring intimate images into storage and privacy-related risks [1; 4; 18]. Traditional materials, by contrast, provide different affordances: friction, weight, drying time, irreversibility, and the singular trace left by contact. Neither approach is intrinsically more authentic. Each one organizes attention and agency differently.

Mariien previously advanced the wider conceptual premise that emotional intensity functions as artistic material rather than as a completed artistic form in her discussion of the artist as a translator of inner chaos [10, pp. 452–468]. The author also developed the seven-stage framework examined in this article as part of the practice-based project Translating Inner Experience: From Chaos to Form and recorded it in an unpublished methodological manuscript. This article offers the first formal conceptual analysis of the author's seven-stage framework as it relates to hybrid artistic practice, digital media, and relevant art therapy scholarship. It outlines seven sequential stages that proceed from noticing an experience to charting its sensory dimensions, choosing an artistic language, externalizing it, imposing form, achieving reflective distance, and concluding the process. The present article revisits that practice as a conceptual model and addresses three questions: (1) what role does each stage play in the translation from inner experience to artwork; (2) how can traditional and digital media be assigned complementary, rather than interchangeable, functions; and (3) what boundaries are needed for the practice to remain ethically clear and methodologically defensible? The aim is to develop a structured, transferable model for non-clinical artistic self-inquiry and to identify propositions that can later be tested empirically.

The study's contribution is its decision to handle hybrid media not as a visual style or a technological improvement, but as a set of functional transitions [2; 13]. The proposed framework links sensory attention, material selection, image formation, reflection, and closure. It also constrains what can be claimed: the model structures practice and produces research hypotheses, but it does not demonstrate therapeutic effectiveness.

Materials and Methods

This practice-led, conceptual study investigates the author's seven-stage framework documented in the unpublished methodological manuscript Translating Inner Experience: From Chaos to Form [11]. It examines the framework as an object of practice-led and conceptual analysis, rather than as an empirically validated therapeutic intervention. Secondary materials include scholarship on art therapy and the expressive therapies continuum, digital art therapy, visual methodology, and practice-based artistic research [1–9; 12–18]. Sources were chosen because of their direct relevance to at least one of four analytical domains: externalization and reflective distance; material and digital affordances; artistic knowledge generated through making; or ethics and the limits of psychologically oriented creative work.

The analysis proceeded through three operations. First, the seven stages were reconstructed as functions rather than instructions. For instance, I defined sensory mapping not by a particular exercise, but by its role in transforming undifferentiated experience into observable qualities such as color, pressure, tempo, temperature, texture, direction, and bodily location. Second, I compared traditional and digital media via affordance analysis. Here, affordance is used in a practical sense: what a medium makes easier, harder, reversible, visible, or shareable within an artistic process. Third, the stages and affordances were synthesized into a process model that includes explicit safeguards and stopping points.

Practice-led reflection articulates tacit studio knowledge. This approach assumes that artistic decisions can produce situated knowledge, while also requiring the researcher to specify the conditions, limits, and interpretive position from which claims are made [8; 15; 16]. Accordingly, the article advances conceptual and procedural claims rather than causal clinical claims. The term "result" therefore refers to the constructed framework and the propositions derived from it, not to evidence of treatment effectiveness.

The unit of analysis focused on transitions between stages. Each transition was evaluated using four criteria: agency, meaning who determines the interpretation and the subsequent action; distance, meaning how the experience becomes observable without being refused; material fit, meaning whether the medium can support the sensory and formal characteristics that were identified; and closure, meaning whether the process returns the creator to a workable, present-oriented condition. These criteria were selected because expressive freedom without agency or closure may keep a participant in an activated state, whereas overly extensive interpretation can shift the creator's own meaning.

Ethical analysis was grounded in four principles. Participation must be voluntary; the creator must retain ownership over interpretation; personal images remain private unless explicit permission is provided; and facilitators must not diagnose or promise clinical outcomes beyond their level of competence. Digital files call for further choices regarding storage, cloud synchronization, metadata, and deletion. These issues align with published discussions of technology and ethics in art therapy [1; 4].

No participants were recruited, no health data were gathered, and no outcome measures were administered. The analysis was confined to the internal structure of the authorial framework and its conceptual comparison with the selected scholarly literature. Accordingly, the article advances

conceptual and procedural assertions rather than causal or clinical claims. The term “result” denotes the constructed framework and the propositions derived from it, not evidence of therapeutic effectiveness.

Results and Discussion

The translation principle

The central finding is a model of translation rather than discharge. “Chaos” refers to an experience that lacks sufficient differentiation for deliberate artistic work: it may be intense, contradictory, bodily, fragmented, or difficult to name. By “form,” I mean not decorative finish or the laying bare of one’s emotions; it is an external organization that lets something be seen, ordered, made sense of, and, for the time being, closed. In this view translation is a matter of moving among the different ways we know things: from reflective language to visual relation, from material action to the sensory quality and felt sensation of it.

One will find this is no simple cathartic model. While making marks right away can be a release, expression alone is no guarantee of understanding. The fifth and sixth stages have the maker go back over what has been produced and impose a sequence, a hierarchy, rhythm or boundaries of some kind, to see what object comes of it. There is a fundamental change in perspective from “this experience is all of me” to “I have made a form in relation to an experience.” Such distance is a way of regaining choice, not of evading feeling.

The model also clashes with how diagnostic images are interpreted. Experts do not ascribe universal meaning to a symbol; a repeated line, a figure in fragments, or a dark field is uninterpretable without the maker's context. Meaning in an image is a function of how it is viewed, composed, put about and made [14], so interpretation is always provisional and dialogic. The artwork may raise questions, but the maker’s word matters.

Seven stages from experience to form

1 Safe recognition. Without having to put it into words straight away, the maker can put a name to an experience. Some brief orientation to the here and now, whether by way of posture or breathing or in noting what support is at hand, makes for a distinction between being wholly absorbed and merely noticing. “Something is present” is the operative idea, as opposed to “this is who I am.” Agency is thus protected, and there is an option to discontinue.

2 Sensory mapping. The experience is articulated using non-diagnostic variables: color, temperature, density, texture, rhythm, pressure, scale, movement, sound associations, and bodily location. In doing so, it converts a general state into discrete elements that can inform artistic decisions. The map may be expressed verbally, drawn, gesturally, or built from samples. Its role is to distinguish components rather than to judge aesthetic quality.

3 Medium selection. The maker chooses a medium because its affordances align with the mapped qualities. Charcoal can accommodate pressure and smearing; thread can support tension and connection; clay can bear weight and resist form; a tablet can enable transparency, repetition, and fast transformation. Choice of medium is also interpretive: it asks what sort of contact the experience calls for.

4 Externalization. The inner material is shifted into an object or an event. The first version may be rough, incomplete, and nonrepresentational. The standard is not resemblance, but recognizability to the maker: the work must retain sufficient aspects of the experience to be encountered outside the body. Externalization is only fully achieved when the maker can perceive a distinction among self, experience, and artifact.

5 Forming chaos. The maker revisits the initial externalization and introduces structure. Operations may include framing, cropping, sequencing, repeating, erasing, separating, layering, balancing, or changing scale. This phase converts an outpouring into an authored composition. By adding form, the artist demonstrates the ability to work on the material without denying its intensity.

6 Reflective distance. The work is examined from a different physical or temporal standpoint: across the room, through a camera, after a pause, in grayscale, mirrored, or as a sequence of versions. Questions stay descriptive at first and then become interpretive: What draws attention? Where does the image retain or release tension? What changed across versions? What does the maker now decide to label? The artwork functions as a partner in inquiry rather than as evidence for diagnosis.

7 Integration and closure. The maker states what is understood at this point, even if only partly; decides whether to keep, modify, cover, archive, share, or destroy the work; and indicates an ending. Closure can involve cleaning tools, exporting or securely deleting files, writing a sentence, adjusting the studio lighting, or redirecting attention to immediate surroundings. This phase blocks ongoing processing and brings ordinary time back.

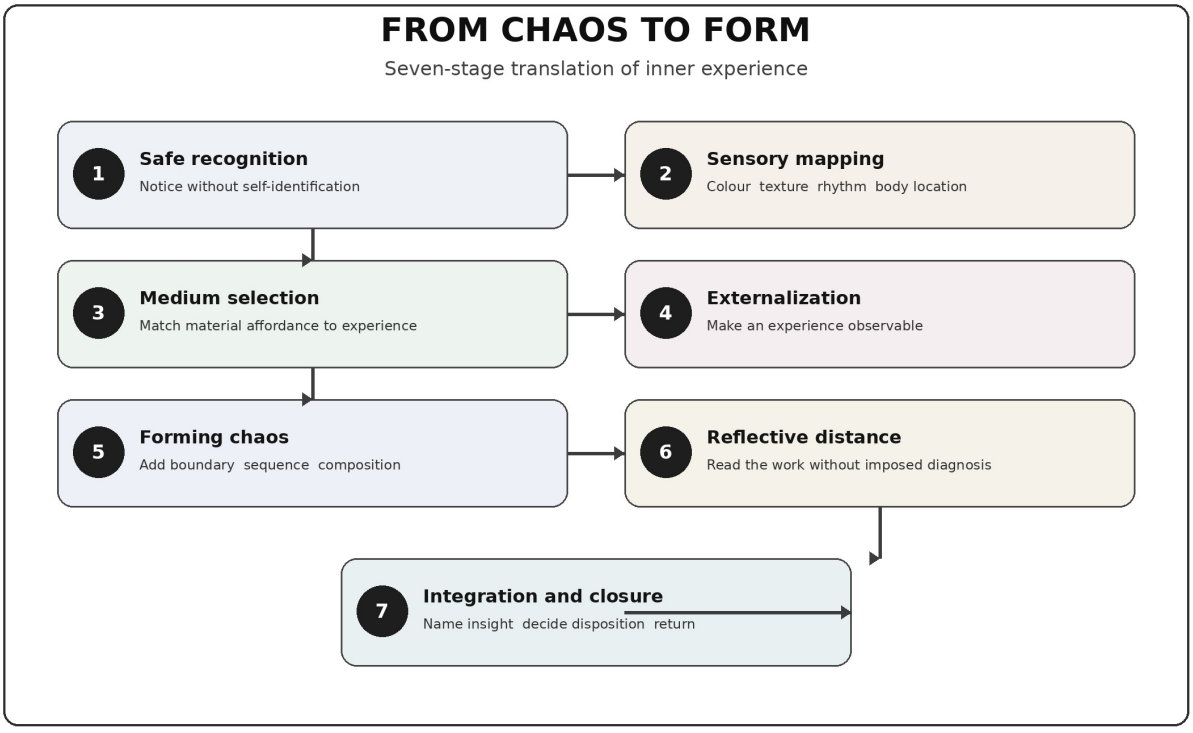

Figure 1. A seven-stage model for converting inner experience into artistic expression

Complementary roles of traditional and digital media

The analysis suggests that integration is strongest when the two media families are given distinct roles. Traditional materials emphasize contact. Their friction, viscosity, weight, smell, drying time, and resistance register the body's actions. Because many marks cannot be fully undone, the maker weighs consequence against acceptance. The resulting object carries scale, texture, edge, and a record of material history. These features can support sensory mapping and enable externalization.

Digital tools emphasize transformability. Layers retain alternative options; undo reduces the risk of trialing a move; duplication enables comparison; zoom changes how detail relates to the whole; masks and opacity make concealment and revelation controllable; and animation or time-lapse renders sequence visible. Digital settings can therefore be particularly useful both during making and when maintaining reflective distance. Research in digital art therapy likewise reports both broader expressive possibilities and the need to understand how interfaces shape engagement [4; 5; 7].

A sequential hybrid workflow can draw on both sets of affordances. A maker might start with a tactile, time-limited drawing; photograph it; identify a recurring form; test scale, color, and layering digitally; print a version; and then reintroduce it with paint, cutting, or stitching. The key value is not the number of media, but the visibility of decisions. Each translation introduces a difference that can be observed: what was kept, what was protected, what became editable, and what had to remain singular.

Digital reversibility is not always advantageous. Unlimited undo can reinforce avoidance or perfectionism, while limitless layers can delay closure. In contrast, material irreversibility may feel constraining for one maker and threatening for another. Medium selection therefore needs to remain adjustable. One low-risk approach could begin digitally and then move toward physical commitment; one grounding approach could start with resistant materials and add digital tools later to support comparison. The model specifies functions rather than imposing a required order of technologies.

Table 1. A Comparative Assessment of the Advantages of Traditional and Digital Media

Dimension	Traditional media	Digital media	Use in the model
Feedback	Pressure, friction, weight, drying time	Interface response, zoom, filters, automation	Sensory mapping and medium selection
Revision	Erasure leaves traces; alteration may be irreversible	Undo, versioning, duplication, non-destructive layers	Forming chaos through visible alternatives
Embodiment	Whole-body gesture and direct contact	Mediated gesture; variable scale and input device	Choose according to desired distance
Object status	Singular physical artifact	Copyable file with metadata and storage risks	Clarify ownership, privacy, and disposition
Closure risk	Material limit may force stopping	Potentially endless editing	Use time, layer, or version limits

A structured studio protocol.

For practical use, the model can be structured into three phases. Orientation comprises safe recognition and sensory mapping. Translation comprises medium selection, externalization, and formation. Return comprises reflective distance, integration, and closure. This three-phase rhythm renders the method teachable while maintaining the specificity of all seven stages. It also establishes checkpoints: a maker may stop after orientation without producing an artwork, or after externalization without public interpretation.

The facilitator's role is to safeguard conditions rather than provide meanings. Suitable prompts are process-oriented: "What quality needs to be more visible?", "Would resistance or reversibility be more useful now?", "What boundary would make this image manageable?", or "What would count as enough for today?". Unsuitable prompts include diagnostic assertions, pressure to disclose a personal story, or promises that a technique will heal trauma. The practice becomes more ethically robust when the participant can refuse, pause, conceal, or destroy work without penalty.

Documentation should differentiate artwork from research data. A private studio image is not automatically available for teaching, publication, or model development. Consent for participation, photography, quotation, and publication should be separable. When digital platforms are used, facilitators should explain where files are stored, whether synchronization is active, and who can access exported files. Ethical questions arise not after the image is made, but when the tool is selected [1].

For artists working alone, closure merits particular emphasis. The final state need not be aesthetically resolved. It may be a bounded version, a dated export, a covered surface, or a written decision not to proceed. The goal is to end the encounter deliberately. If the process produces overwhelming distress, dissociation, risk of self-harm, or loss of functioning, studio practice should stop and appropriate professional support should be sought.

Theoretical contribution and research propositions

The model advances hybrid-art discourse by locating hybridity in transitions rather than in visible appearance. Accordingly, completed work may present as fully digital while depending on a materially grounded process, or it may seem handcrafted while being assembled through digital variation. Analytically, the crucial question is which affordance was employed at each stage and how that choice reshaped the maker's agency, distance, and ability to bring the process to closure.

It also supports practice-based research by making tacit decisions describable. Artistic knowledge frequently remains embedded in gestures and judgments that are hard to articulate [15; 16]. The seven-stage structure provides a traceable account of how an initially unclear experience becomes a composition. This account can inform reflective journals, studio teaching, and comparative case studies while avoiding reducing the work to psychological symptoms.

Four propositions are proposed. First, sensory mapping is expected to enhance medium fit by substituting generic emotional labels with actionable qualities. Second, alternating material resistance with digital reversibility is expected to increase perceived agency more effectively than relying on either mode alone. Third, deliberate forming together with version comparison is expected to generate greater reflective distance than unstructured expression. Fourth, an explicitly

specified closure stage is expected to reduce unfinished activation and strengthen the maker's sense of completion. These propositions serve as hypotheses for future research, not conclusions drawn from the present conceptual study.

Future empirical work could adopt a mixed-method design involving adult artists or non-clinical creative participants. Process data might comprise stage-completion logs, version histories, material selections, and participant-authored descriptions. Outcomes could include perceived agency, clarity, tolerability, and completion, assessed before and after a session and supplemented by qualitative interviews. Comparing traditional-only, digital-only, and intentionally hybrid conditions would test whether sequencing, rather than mere tool availability, accounts for any observed differences. Any study that involves vulnerable populations would require formal ethics review, qualified support, and a protocol for adverse responses.

Limitations

The framework stems from an authorial practice and has not yet been tested through controlled or longitudinal research. Although its seven stages may correspond to a potentially useful studio logic, they are not universal. Because cultural traditions vary in how they interpret inner experience, authorship, privacy, symbolism, and communal art-making, the model should be adapted to context rather than exported as a culturally neutral sequence.

The boundary between traditional and digital media is best understood as analytical rather than absolute. Styluses offer tactile feedback; physical works can be highly revisable; digital files may become singular in particular contexts; and hybrid tools continually blur categorical distinctions. Accordingly, the affordance matrix should be read as a set of tendencies. Finally, the article's synthesis cannot demonstrate therapeutic benefit. Any assertions about changes in symptoms, trauma processing, or mental-health treatment must be supported by separate clinical research and professional supervision.

Conclusion

From Chaos to Form presents artistic practice as a structured process of translating inner experience into visual meaning. Its seven stages—safe recognition, sensory mapping, medium selection, externalization, forming chaos, reflective distance, and integration with closure—track a shift from undifferentiated sensation toward a visual form that is authored and bounded. What distinguishes the framework is not simply that traditional and digital techniques can coexist, but that they work together.

Traditional materials can heighten bodily contact, resistance, and the trace's singularity. Digital tools, by contrast, can make alternatives, layers, and transformations visible while reducing the expense of revision. Their integration becomes methodologically significant when each medium is selected for what it makes possible at a given transition. The resulting artwork functions as both an expressive object and a record of decisions through which the maker repositions themselves relative to experience.

The model fits artistic self-inquiry, studio pedagogy, and carefully supported non-clinical creative programs. It is not a diagnostic tool and not a substitute for psychotherapy. Responsible use depends on voluntary participation, maker-directed interpretation, privacy, adjustable intensity, and

explicit closure. As a conceptual article, the study provides a coherent framework and testable propositions. The next step is empirical: to investigate how different sequences of tactile and digital work influence agency, reflective distance, tolerability, and completion across a range of artistic and cultural contexts.

References

1. Alders A., Beck L., Allen P.B., Mosinski B. Technology in art therapy: Ethical challenges // Art Therapy. – 2011. – Vol. 28, No. 4. – P. 165–170. – DOI: 10.1080/07421656.2011.622683.
2. Anak Michael V., Abd Rahman K.A.A., Abdul Shukor S.F., Mohd Ali N.A. Artistic knowledge and practices of hybrid art based on the analysis of Malaysian artists' artworks // Environment-Behaviour Proceedings Journal. – 2020. – Vol. 5. – P. 111–117. – DOI: 10.21834/ebpj.v5isi1.2305.
3. Bedir Erişti S.D., Freedman K. Integrating digital technologies and AI in art education: Pedagogical competencies and the evolution of digital visual culture // Participatory Educational Research. – 2024. – Vol. 11, No. 6. – P. 57–79. – DOI: 10.17275/per.24.94.11.6.
4. Carlton N.R. Digital culture and art therapy // The Arts in Psychotherapy. – 2014. – Vol. 41, No. 1. – P. 41–45. – DOI: 10.1016/j.aip.2013.11.006.
5. Choe S. An exploration of the qualities and features of art apps for art therapy // The Arts in Psychotherapy. – 2014. – Vol. 41, No. 2. – P. 145–154. – DOI: 10.1016/j.aip.2014.01.002.
6. Kaimal G., Ray K., Muniz J. Reduction of cortisol levels and participants' responses following art making // Art Therapy. – 2016. – Vol. 33, No. 2. – P. 74–80. – DOI: 10.1080/07421656.2016.1166832.
7. Kaimal G., Carroll-Haskins K., Berberian M., Dougherty A., Carlton N., Ramakrishnan A. Virtual reality in art therapy: A pilot qualitative study of the novel medium and implications for practice // Art Therapy. – 2020. – Vol. 37, No. 1. – P. 16–24. – DOI: 10.1080/07421656.2019.1659662.
8. Kapitan L. Introduction to Art Therapy Research. 2nd ed. – New York: Routledge, 2018. – 386 P.
9. Lusebrink V.B. Assessment and therapeutic application of the expressive therapies continuum: Implications for brain structures and functions // Art Therapy. – 2010. – Vol. 27, No. 4. – P. 168–177. – DOI: 10.1080/07421656.2010.10129380.
10. Mariien K. The Madness of Great Artists: Genius, Sensitivity, and the Transformation of Pain. [Place of publication]: [Publisher], 2024. [Total number] P.
11. Mariien K. Translating Inner Experience: From Chaos to Form: Methodological Manuscript. 2022. 50 P. Unpublished manuscript.
12. Moon B.L. Art-Based Group Therapy: Theory and Practice. 2nd ed. – Springfield: Charles C Thomas, 2016. – 330 P.
13. Muscalu S. Paradigms of research in hybrid artistic practices // Review of Artistic Education. – 2024. – Vol. 28. – P. 216–221. – DOI: 10.35218/rae-2024-0027.

14. Rose G. Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials. 4th ed. – London: SAGE, 2016. – 456 P.
15. Savin-Baden M., Wimpenny K. A Practical Guide to Arts-Related Research. – Rotterdam: Sense Publishers, 2014. – 168 P. – DOI: 10.1007/978-94-6209-815-2.
16. Sullivan G. Art Practice as Research: Inquiry in Visual Arts. 2nd ed. – Thousand Oaks: SAGE, 2010. – 312 P.
17. Van Lith T. Art therapy in mental health: A systematic review of approaches and practices // The Arts in Psychotherapy. – 2016. – Vol. 47. – P. 9–22. – DOI: 10.1016/j.aip.2015.09.003.
18. Zubala A., Kennell N., Hackett S. Art therapy in the digital world: An integrative review of current practice and future directions // Frontiers in Psychology. – 2021. – Vol. 12. – Art. 600070. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.600070.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
Электронный научный журнал

№ 11(149)
Ноябрь 2026 г.

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.

18+

Издательство ООО «Юниверсум»

Объём издания: 104 с.

Минимальные системные требования: процессор с частотой от 1,3 ГГц; ОЗУ от 512 МБ; программа для чтения PDF-файлов; доступ к сети Интернет

Дата размещения в сети Интернет: 21.11.2026

Журнал размещается в:

